

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО
ВОЛЬКОЕ КОЗАЦТВО

JUILLET 1939.

LES COSAQUES LIBRES

XIIe ANNEE.

ИЮЛЬ 1939 г.

266-267

ЛИПЕНЬ 1939 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XII-й.

РІК ВІДАННЯ XII-й.

Х. Тимох

Содержание:

1. Юрист. Об основном законе «В.К.».
2. Украинцам з «Вістника» та їхнім однодумцям.
3. о. Д. Чирський. Моя порада.
4. «Де кум, де коровай...».
5. Кто он?
6. Донской министр пропаганды лучший русский человек.

7. Москва и первые московские князья.
8. А. Лекивов. Богатства казачьих земель.
9. † Петр Иванович Кокунько.
10. Думы и мысли.
11. Русские офицеры судят ген. Деникина.
12. Знаменательное совпадение.

Почтовый ящик:

Монсо. А. Щ. Получено. Привет.

Ерикур. И. Т. Спасибо. Привет.

Кариньян. Т. М. Правильно сделаете. Привет.

Клермон. И. П. Получено. Спасибо. Привет.

Протекторат. С. С. Поймем ли мы друг друга, когда встретимся мы, эмигранты, и казаки, сущие сейчас под большевиками? — Вопрос Ваш весьма серьезный. На эту тему мы не раз писали уже в журнале... Мы уверены, что мы, вольные казаки, поймем...

К сожалению, нельзя говорить об общем голосе Казачьей эмиграции... Опасность в том, что у эмиграции много языков, много голосов, много разногласий. И если каждая группировка захочет понести туда свой «голос», то они, там исстрадавшиеся, могут легко разочароваться в тех, на кого они возлагали некоторые свои надежды. Россию там они хорошо видят и знают, откуда зло идет... И потому понять друг друга мы можем, говоря только на своем национальном казачьем языке. Только казачий национальный пафос может умирить наши разногласия и примирить всех на одном национальном идеале.

Но есть и другой существенный вопрос: не перестанем ли мы скоро понимать друг друга — мы

эммигранты, живущие в разных странах? Влияние среди, влияние жизненных условий, разные политические режимы и наша физическая разобщенность — несомненно отдаляют постепенно нас друг от друга (мы имеем в виду здесь не нашу организацию, а вообще всю массу заграничных казаков). Казаки, из всей эмигрантской массы, лучше всего до сих пор противились потере своего лица, но постепенно все же происходит какая то ассимиляция. Особенно одиночки «урягают», принимают местную «окраску», проникаются местными интересами...

Единственное средство сейчас, до наступления событий, сохранить казачье лицо — это всячески поддерживать и развивать свою казачью национальную литературу — политическую и художественную. А кроме того это, ведь, единственное наше сейчас средство связи!.. — Привет.

РОЗЫСКИ:

Сергея Добжицкого и Василия Казанин, оба из гор. Очакова, Херсонской губ., розыскивают Леонид Компаничеко и просит писать по адресу:

M-eur Kompanitchenko, à Banihannac par Trebes (Aude), France.

К сведению русских казаков

Некоторые русские политические и неполитические партии и группировки начинают по новому думать о будущем, начинают искать новые политические программы и национальные идеалы.

Какое же место в таких своих программах они отводят казакам?

Вопрос этот должен, конечно, интересовать прежде всего русских казаков. В самом деле, какова же будет роль их в будущей России и какое место отводят им там русские люди?

Перед нами «Сигнал» (номер 58, 1-го июля 1939) — русская двухнедельная газета национального фронта. В номере этом на первом месте напечатаны «Вехи политической программы», написанные корнетом Апанасенко и представляющие, видимо, общее мнение редакции.

«Сигнальцы» — монархисты. Они думают, однако, что «Российская нация должна будет заслужить своего императора, как и Российской Император — заслужить Россию...» Но нас в данном случае интересует только один вопрос: **государственный строй и решение ими национального вопроса.**

Пункт 4 — «государственный строй и самодеятельность народов» — гласит:

«Независимо от формы государственной власти, возникнет вопрос о форме государственного строя. Коммунистическая власть внесла в русскую государственность новое федеративное начало. Нас нисколько не пугает ни автономия, ни даже федерация. Основное для нас — это единство и целостность Российской Империи. От этого мы никогда не отступим. Но свободная самодеятельность народов, составляющих Российскую Нацию, не может встретить с нашей стороны никакой вражды.

Россия обширна. Она включает в себя области с разными природными богатствами, с весьма несходным хозяйствственно-экономическим укладом, с этнически-неоднородным составом населения. Полная централизация всех сторон жизни — вряд ли будет способствовать быстрому расцвету страны. Многие вопросы культурной и особенно экономической жизни надо решать на местах, не создавая излишней волокиты. Центральную власть необходимо разгрузить от местных дел. В этих рамках самодеятельность городов будет жизненно

оправдана. Их творческие силы найдут разумное применение.

Но мера свободы самоуправления не может быть одинаковой для всех областей России. Есть народы, например, украинцы-малороссы, историческая роль которых огромна. Они так же, как и великороссы и белоруссы, создавали единую Российскую империю. Они были самыми близкими соучастниками Российской культуры. Но есть народы, например сарты, каракалпаки — историческая роль которых неизмеримо меньше...

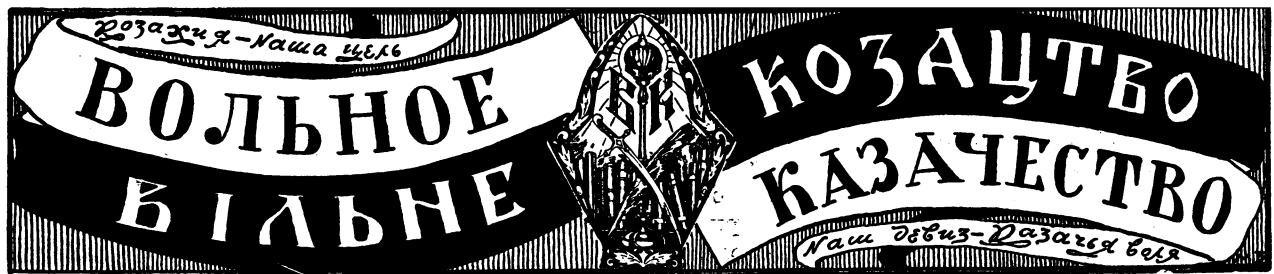
А в дополнение к только что сказанному, — вот п 6: «Ведущая роль русского народа»: «Высокий жребий», павший на долю русского народа (великороссы, украинцы-малороссы и белоруссы), налагает на него и особую историческую ответственность. Поэтому, не привилегии, не шовинистическое главенство в Империи должно составлять сущность русского народа, этого ведущего ствола Российской нации, но особо жертвенное и ответственное положение руководящего арбитра Империи»...

Привели здесь мы эту выдержку вот зачем.

Не раз уже на страницах «ВК» мы подчеркивали, что даже те русские партии, группы или просто авторы программных политических трудов, которые признают за некоторыми народами России право на автономию или федерацию, никогда не распространяют своих обещаний на Казаков

Как всегда, отсутствуют казаки и в вышеприведенном списке «сигнальцев». Не фигурируют они — «лучшие русские люди», по «учению» теперешнего редактора «Тихого Дона» М. Горчукова, — ни в списке первых, ни в списке последних... А где же там место казачье? — А там, очевидно, куда русские казаки упомянуто не желают смотреть. Не хотят они видеть, что во **всех политическо-государственных программах, планах и концепциях будущего русских политиков казаков нет.** Это потому, что никакого казачьего народа для них не существует. И, значит нет ему места и в предположения будущего... Единственное место, какое они русские, казакам до сих пор отвели, это — **первое место в боях за их счастье и благополучие их Империи.**

Когда поймут это русские казаки? Когда поймут это полуказаки-полурусские?

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Биль

Редакция и администрация: 8, rue Fantin Latour, Paris (16).

№ 266-267

Июль 1939 г. — Липень 1939.

№ 266-267

ОБ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ „В. К.“

(КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ «В. К.»)

(Продолжение).

III.

4 июля 1776 года — («Independance Day» — «День Независимости») — в далекой заокеанской стране английские колонисты прокламировали в «Декларации Независимости» свою волю, равенство всех граждан перед лицом Всевышнего и суверенитет народа С. Ам. Соед. Штатов.

Впервые народ взял себе силой то, что принадлежало отдельным лицам. Впервые разбились о волю свободолюбивого народа все великолепные теории «божественного происхождения монархической власти», вся тончайшая казуистика юристов об «иерархической системе» владельцев-суверенов, сюзеренов, вассалов и «подданных». Впервые приспособленная каноническая догма — «Божие Богои, кесарево Кесарю» — разлетелась вдребезги о кулаки «грубых» американских пионеров. То, что принадлежало в душах верующих повстанцев Богу, у Бога и осталось, то же, что задержалось исстари у монархов, отошло к Нации.

Впервые в истории Нация, можно сказать, «венчалась», в дыму пороха и в огне сражений. на царство и овладела суверенитетом.

— «» —

Ст. III Декларации Казачьей Воли и ст. 14 Союзной Конст. «В. К.» (1939 г.) устанавливают суверенитет всей Казачьей Нации, как государственную форму народоправства. Термин «суверенитет» не раз встретится нам в тексте Конституции, ибо понятие это является исходной точкой государственного устройства. Понятие это следует рассмотреть и усвоить.

Суверенитет (или суверенность, что то же самое) есть право приказывать и принуждать к

исполнению приказа, без того, чтобы существовала еще более высшая власть, могущая приказывать и принудить к чему бы то ни было суверенную власть. Суверен независим и не может быть принужден ни к чему какой либо другой волей.

Государство суверенно во вне, ежели оно является самостоятельным членом международного концерта и не является ни сюзеренным, ни вассальным, не находится под протекторатом, или не является объектом мандата. Государство суверенно внутри, если оно обладает властью приказа в отношении своих членов («подданных» в монархии и «граждан» в республике).

И для внутреннего и для внешнего суверенитета необходима материальная возможность, т. е. фактическая, физическая сила, могущая защищать определенную территорию извне и изнутри.

Суверенитет имеет характер исключительный, т. е. имеет своим источником либо монархический принцип, либо народную волю. В первом случае суверенитет принадлежит монарху, представляющему государство, во втором — государству, представляющему Нацию.

Там, где нет возможности материального принуждения-защиты, там нет и юридического суверенитета, — там, следовательно, нет и государства. Таково, например, положение Католической Церкви: при наличии огромного имущества (капиталов и земельных фондов), разбросанного по всему миру, при наличии административного аппарата с ее организацией орденов и иерархией, при наличии почти полумиллиарда верующих, т. е., при наличии всех трех условий, определяющих государство — территории, народа и власти, — Католическая Церковь имела лишь духовную власть, а не государственное «материальное принуждение», а

потому и не была суверенным государством. Латеранский договор 11 февраля 1929 года, подписанный Ватиканом и Квириналом (т. е., Католической Перковью в лице Папы и светской властью Итальянского государства), утверждает Ватикан, как суверенное государство, обладающее территорией (40 гектаров), «материалной» властью-принуждением (папская гвардия в несколько десятков человек) и «населением», состоящим из нескольких сот человек. Папское государство стало снова суверенным государством, вернувшись к положению, существовавшему до 20 сентября 1870 года. Из этого, конечно, не надо заключать, что Ватикан превратил Римско-Католическую Церковь в суверенное государство: Церковь сохраняет только духовную власть над всеми верующими католиками; но центр ее является, с точки зрения современного права, настоящим государством.

Пример Ватикана интересен в том отношении, что возможно представить себе игрушечное государство, вкрапленное в иностранную территорию и обладающее несметными материальными благами (а значит, в сущности, и силой): такое «государство» может, юридически рассуждая, при известном политическом положении вещей, обявить своими «подданными» 400—500 миллионов католиков, если бы на то было согласие верующих защищать государство-или-пут с полумиллиардным «населением», из которого подавляющая часть находится «заграницей». Мы знаем, кроме того, целый ряд суверенных миниатюрных государств — Люксембург, Андорра, Лихтенштейн, Монако, — которые существуют при наличии всех трех признаков государственности, опираясь на «вечный нейтралитет», признанный их соседями.

Все это указывает на то, что «право на государство» устанавливается фактом и что юридические условия, перечисляемые обычно в международных договорах, должны быть защищены либо военной силой, либо очень тонкой политикой нейтралитета. При таком положении только и может идти речь о суверенитете государства.

— «» —

Каково же происхождение суверенитета?

Если государство осуществляет свой суверенитет в отношении своих граждан, т. е. той Нации, которую оно «персонифицирует» (представляет, олицетворяет), то из нее только оно и черпает этот суверенитет.

Доктрина национального суверенитета, как мы уже указали, вовсе не так давно получила свое признание. В XII в., в эпоху возрождения влияния римского права, в эпоху феодального строя, когда королевская власть была принуждена бороться с сильными вассалами во имя национального единства, королевские юристы-«легисты» (т. е. «законники», *lex* — закон) разработали теорию королевского суверенитета. «Король», — писали многочисленные средневековые теоретики, — «утверждает свою власть при помощи Бога и своей шпаги». Это так называемая теория божественного права на власть, теория династии Стояартов в Англии и Бурбонов во Франции. К XVI веку, т. е. накану-

не эпохи монархического абсолютизма, теория божественного происхождения власти монарха получила свое признание и теоретическое и юридическое обоснование (Жан Бодэн, «Шесть Книг Республики», Prof. Esmein, «Cours élémentaire d'histoire du droit français», 1921).

Жан Бодэн, Лебрэ, Боссюэт и др. средневековые писатели весьма талантливо устанавливали связь и происхождение светской власти с текстами.... Евангелия (!). «Скипетр королей происходит от Бога и не склоняется ни перед кем на земле», писали философы и легисты. «Мы получили нашу корону от Бога», декретировал Людовик XV в своем декабрьском эдикте 1770 года. Людовик XVIII, вернувшись из эмиграции после ссылки Наполеона на о. Эльбу, обявил в предисловии к своей т. н. «дарованной» Хартии о том, что «Божественное Провидение призвало его... и что вся власть сосредоточивается в личности короля...» Власть короля была защищена соответственными карами, по поводу «Провидения» позволительно, однако, думать, что Бог навряд-ли участвовал в этом деле.

Монархии Габсбургов («апостолический король Венгрии и австрийский «брат святейшего Папы»), Гогенцоллерны и Романовы основывались в значительной степени на принципе наследственного божественного «поручения» на земле.

Эти теории исчезли вместе с крушением абсолютных монархий и представляют в настоящее время лишь исторический интерес.

Героическая эпоха патримониальной системы и патриархальных государств, творивших лично суд и расправу, сменил сначала просвещенный абсолютизм, а затем и господство привилегированных классов, превративших трон в средство для достижения эгоистических целей.

Как ни странным это покажется, но теория божественной власти была создана светскими юристами, а вовсе не теологами и не религиозными мыслителями и философами. Юристы-каноники утверждали, что власть действительно исходит от Бога, но тут же прибавляли, что она поконится непосредственно на народе: «Omnis potestas a Deo per populum», т. е. — «Вся власть от Бога через народ». Эта религиозная доктрина была развита иезуитом Сюарезом (XVI—XVII в. в.), теоретиком международного права, равно как и другими мыслителями (Св. Лигури и де Бальмесом XVIII в.). Таким образом, религиозная доктрина вовсе не проповедывала учения о монархе «Божией милостью», но наоборот утверждала народный суверенитет, *проистекающий от Всевышнего*.

Теория национального суверенитета нашла себе во Франции защитника в лице Генеральных Штатов, о которых мы уже писали в предыдущих очерках. Так, еще в XIV в. (1355 г.) депутаты Штатов говорили о суверенитете народа — (в ту феодальную эпоху Франция еще не была унифицированной нацией, — а в XV в. (1484 г.) Филипп де ля Рош, депутат дворянства Бургундии, ссылаясь на примеры древнего Рима, провозгласил формулу теологов: «Rex est propter populum et non regnum propter regem», т. е. — «Король создан для народа, а не королевство для короля». Таким образом, согласно этой теории, роль ко-

роля сводилась лишь к «первой магистратуре», т. е. к положению высшего чина в стране. В ту эпоху мысль де ля Роша, провозгласившего со-
окупность всех трех сословий единой нацией, была чрезвычайно смелой, ибо нации легально не существовали и каждое сословие (дворянство, духовенство и третье сословие) входило в отдельные договорные отношения с королем.

— «» —

Как мы уже говорили, в XVI в. иезуит Сюарез писал о *состоянии естественной свободы* (*liberté naturelle*), в которой жили люди до *создания общества*.

Согласно Сюарезу, будучи принуждены сгруппироваться — («Человек — общественное животное», говорил в IV в. до Р. Х. греческий философ Аристотель), — т. е. создать «общество», свободные люди вступили между собою в договорные отношения по поводу организации «государства».

Теория Сюареза предвосхитила теорию *социального (общественного) контракта*, развитую в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо и английскими философами Гоббсом и Локком. Руссо и Локк (о которых мы говорили в связи с влиянием их теорий на конституционное право С. А. С. Ш и Франции), — исходя из теории социального контракта, пришли логически к теории «абсолютизма народа», в противовес государствоведу Гоббсу, утверждавшему (теория Государства-Левиафана, «пожирающего личность») *абсолютизм монарха*.

Множество школ сталкивалось, на протяжении веков, по поводу толкования теории социального контракта: одни говорили, что *народ передал власть монарху* (контракт «подданства»), другие утверждали, что *народ передал монарху лишь «функцию власти»*, третьи приписывали монарху *права на суверенитет по давности приобретения* (теория Луазо, поддержанная в 1791 году депутатом Конституанты Казалесом в пользу Людовика XVI). Таким образом, в построения государственного (конституционного) права переносились положения права частного, гражданского («передача-уступка» прав, «приобретение *вещи* по давности владения», не говоря уже о «праве наследования», а иногда и просто купли-продажи). Так смешивалось понятие *суверенитета* с понятием *собственности на вещь* (в истории германского, австрийского и русского права собственность являлась часто источником поместного, удельного и государственного «суверенитета»).

— «» —

Два века понадобилось — XVII и XVIII в. в. — для того, чтобы старая патrimonиальная система уступила место — по крайней мере в теории права, если не на практике — новому понятию и принципу *национального суверенитета*. Так, в XVII в., школа естественного права развила уже упомянутую нами выше теорию Сюареза (в лице голландца Гуго Гроция, затем Пуффендорфа и англичан Гоббса и Локка). В XVIII в. Ваттель, Ж.-Ж. Руссо и Монтескье

продолжали развивать идеи их предшественников. Эти писатели повлияли в значительной мере на составление принципиальной части Декларации 1789 г. и Конституции 1791 г., и именно благодаря им и Локку, в конституционном праве появилось новое *определение суверенитета, как права человека, права, покоящегося на Нации*.

Национальный суверенитет *проистекает, следовательно, из социального контракта, заключенного людьми, находящимися в состоянии естественной свободы.*

По Руссо, власть покоятся на *соглашении*. Соглашение заключается в том, что каждый член *общества передает все свои права община*. Семья, община, клан, племя, государство — суть не более, как степени совершенствования социальных группировок. По Гоббсу, как мы знаем, этот же самый общественный контракт приводит к абсолютной монархии; согласно же теориям республики, отдавая себя всем, т. е. *Нации*, никто не отдает себя никому (т. е., не отдает себя никакой отдельной личности). Следовательно, соглашение имеет своим результатом образование правового коллектива и государство становится «общим Я», располагающим суверенитетом.

Таким образом, *суверенитет образуется участием воль отдельных индивидов и имеет следовательно, основой общую волю*. Эта общая воля выражается в законе. Общая воля не есть воля единогласная, но мажоритарная, т. е., закон является выражением воли большинства индивидов, составляющих Нацию.

Этот принцип и эти теории несомненно отразились в ст. 6 Декларации Прав Человека и Гражданина 1789 г., в американской Декларации Независимости 1776 г., в Декларации Казачьей Воли 1939 г. и в ст. ст. 12 и 14 Союзной Конституции «В. К.» 1939 г.

Суверенитет един и неделим, ибо в нем выражены не воля отдельных лиц, а всего коллектива. Отсюда вытекают следующие положения: 1) гражданин не обладает пропорциональной частью суверенитета, ибо суверенитет заключается в *Нации* (это именно то слияние права гражданина и *Нации*, о котором мы говорили в предыдущих очерках, анализируя Декларацию «В. К.»), 2) никто в государстве не может быть облечены суверенной властью, ни в целом, ни в части, ибо суверенитет всегда принадлежит *Нации*. Суверенитет не может быть отчуждаем никем и никому, т. е., не может быть «передан» никакой державе, или монарху, и не может быть «приобретен по давности владения». Отсюда можно сделать вывод, что *нация, суверенная по историческому существу и характеру своего происхождения, суверенна всегда, даже и в том случае, если, в силу политических обстоятельств, свобода ее временно поглощена*. Такой суверенитет не признается *de jure* (т. е., официально, юридически) в международных договорах и находится как бы в потенциальном состоянии до... дня восстания.

Отрицая разделение властей и представительный строй (неделимый суверенитет не может быть, по теории Руссо, распределен между тремя властями республики, и так как сувере-

нитет кроме того и не отчуждаем, республика должна управляться «непосредственным правительством») — Руссо впадает в другую крайность и заменяет абсолютного монарха *абсолютным народом*. В этом кроется отрицательное значение теории Руссо и ее отрицательное влияние на государственно-правовые теории XVIII и XIX в. в.

Социальный контракт надо понимать, конечно, символически, как фикцию (*de Lapradelle, Cours de droit constitutionnel*), а не как историческую реальность; эта фикция допустима, ибо *воля и соборность приводят всегда и при всех обстоятельствах к государственности*.

— «» —

Таким образом, мы отметили главнейшие качества суверенитета: единство, неделимость и неотчуждаемость. Всякое ущербление этих качеств суверенитета превращает независимую державу в вассала, в подчиненное *de facto* государство, в протекторат (Аннам, Тонкин, Тунис, Марокко, Чехия, Албания, Абиссиния и др.).

Как говорили в древнем Риме, «*Libertas inestimabilis res est*» — «Свобода вещь неоценимая». (Дигесты, кн. 50, гл. 17, зак. 106), и суверенитет есть там, и только там, где есть вся и полная свобода Нации.

— «» —

Национальный суверенитет не принадлежит на праве собственности (да и ни на каком праве) настоящему поколению, образующему в данный момент государство: он принадлежит Нации в ее вечной жизни (prof. Esmein). Это положение нашло отражение в ст. II Декларации «В. К.», говорящей о «вечном государственно-национальном существовании Казачьей Республики».

— «» —

Нам остается ответить на последний вопрос: является-ли суверенитет *безграничным*?

В античную эпоху Греции и Рима граждане, обладавшие большими политическими правами, не имели, однако, прав личных, охраненных от претензий государства. В эпоху франков и в эпоху феодализма понятие государства почти исчезает и права личные (вернее права «более сильной личности») утверждаются с большей силой. Затем, почти во всей Европе, наблюдается утверждение абсолютных монархий и легисты возвращаются к старинной формуле Ульпиена: «То, что нравится принцу, имеет силу закона».

Мы уже писали о том, как религиозные доктрины и естественное право (Боссиют, Бэден, Луазо и др.) создавали постепенно ограничения суверенной власти монарха, но, в сущности, только теологи, только люди Церкви проповедывали «право неповиновения» для случаев, когда суверенная светская власть нарушает «законы Бога», правила естественной справедливости (т. е. морали) и «основные законы государства».

Теоретики XVII и XVIII в. в. учат, что, войдя в общество, люди отдают нации только

ту сумму своих естественных свобод, которые необходимы для блага нации, для устройства государства. Члены общества-государства сохраняют остальные свои блага личной свободы, и государство обязано их уважать потому, что *свободы эти древнее государства и выходят за пределы «национальной необходимости»*.

Таким образом, устанавливается различие между *правами гражданина* и *правами человека* или *правами личными* (теории Блэкстона, Вольфа и Локка).

Проведение демаркационной линии между правами, отанными, так сказать, «без остатка» (как у Гоббса, Сюареза и теоретиков абсолютной монархии) и правами, сохраняемыми гражданином-индивидуом, и характеризует, в сущности, в наше время *степень слияния гражданина и нации*. Линия эта может быть и подвижной. Этот вопрос встретится нам во время анализа прав и обязательств гражданина в Казакии (Гл. IV Союзной Конституции «В. К.»).

— «» —

В этом конспективном очерке мы пытались дать историко-политическое понятие суверенитета. Нельзя, в самом деле, говорить о «суверенной нации» и «суверенном государстве», не установив предварительно по возможности точно определения суверенитета.

В заключение этой части нашего этюда мы позволяем себе дать такое *определение суверенитета*:

Суверенитет — абсолютная правовая независимость государства, являющегося олицетворением Нации, вечной в своем существовании. Суверенитет — неделим и принадлежит исключительно Нации. Именем Нации голосуется закон, исполняемый ею же; — именем Нации творится суд, приговору которого она подчиняется — именем Нации устанавливаются обязательства граждан, об'является война и заключается мир и международные договоры. Суверенитет вечен, как Нация, и находится «вне оборота», т. е. не может быть ни продан, ни передан, ни уступлен. Суверенитет ограничен самой целью государственной организации Нации, т. е. целесообразностью охраны интересов и благ граждан. Все противоречащее этому определению суверенитета, все «противу-конституционное» — «анти-суверенно» и, естественно, может быть уничтожено либо конституционными мерами, либо восстанием (о «праве на восстание» писал, в свое время, Кондорсэ).

— «» —

Таким образом, мы можем связать ст. ст. II и III Декларации Казачьей Воли и ст. ст. 12 и 14 Союзной Конституции «В. К.» в одну принципиальную линию, в одну доктрину казачьего национального суверенитета. Вот о таком суверенитете, думается нам, и говорят авторы казачьих конституционных текстов. При дальнейшем анализе Союзной Конституции мы увидим, как этот принцип *национального суверенитета* должен применяться на практике, в повседневной государственной жизни «общей Казачьей Вещи» — «Казачьей Республики».

Основной Закон Казачьей Республики, назанный его составителями «Союзной Конституцией», устанавливает, следовательно, республиканское союзное государство (ст. I Союзной Конституции).

Перечисление названий семи Областей, членов Союза (ст. 2 Союзной Конст.), имеющих право (и обязанность) составить свою Областную Конституцию (ст. ст. 3—5 Союзной Конст.), территориальное разграничение этих Областей (ст. ст. 7, 9 и 10 Союзной Конст.) и, наконец, упоминание о политической автономии и самостоятельности (ст. ст. 2 и 16 Союзной Конст.), — все это предопределяет *федеративную конструкцию Казакии*. И, действительно, в Союзной Конституции говорится о Казакии, как о «республиканской федерации» (ст. 14 Союзной Конст.) и о «федеральном принципе» (ст. 16 Союзной Конст.).

Итак, по мысли авторов, Казачество должно установить *федеральное* (или федеративное, что одно и то же) государство.

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса, *должен ли* федеральный принцип быть применен в данном случае. Это вопрос, мы сказали бы, историко-политический, а вовсе не юридический, и давать *политические советы* автору этого этюда никто не предлагал. Самы же авторы конституционных текстов, которыми мы занимаемся, повидимому, полагают, что Казачий Области, т. е. Войска, до такой степени *самобытны*, различны и стойки каждая в своей традиционной военно-житейской сфере, что идея *законченного политического слияния*, или, как говорят юристы, *идея унитарного государства и централизованной республики*, должна быть оставлена.

Невозможно установить в истории права того признака, по которому те или иные государственные образования федерируются, но одно можно сказать, что федерация имеет юридический смысл только тогда, когда налицо имеется ясно *ощущаемые* различия, на которые мы только что указали, будь то признаки далекой, в прошлом государственной самостоятельности, будь то характер расовый, племенной, религиозный, или иной.

Так или иначе, но мы видим, что Союзная Конституция говорит именно о федерации и именно как федеративное государство Казакии должна была бы. по мысли ее вдохновителей, занять место в семье народов.

— «» —

Как мы сказали выше, мы разделяем теорию проф. Дюги, рассматривая государство, как персонификацию (олицетворение) Нации, а значит и ее суверенитета. Суверенитет, как мы уже знаем, является собою силу, исключающую все в государстве. Сила эта подчиняется закону динамики и стремится — такова историческая неизбежность — к развитию и поглощению слабых: конфедерации (т. е., соединения самостоятельных государств) превращаются постепенно, а иногда и стремительно, в федерации (т. е., в союз автономных областей государственного происхождения), а федерации переходят в унитарные государства.

С точки зрения международного права, государства бывают *унитарные и сложные*. Государства сложные разделяются на союзы государств и государства полу-суверенные. Государство унитарно, когда оно проявляет внешний суверенитет и устанавливает однородное законодательство, действительное для всей страны (впрочем, местное законодательство унитарных государств может применяться к особым традициям и обычаям провинций) и централизованную администрацию. Таковы Франция, Италия, Бельгия, теперешняя Германия, Япония, Польша, Испания и др.

Союзы государств (или, что то же самое, союзные государства) могут существовать в форме личной унии, реальной унии, конфедерации и федерации.

В личной (персональной) унии два государства соединены под суверенитетом одногого и того же монарха. Республиканской личной унии быть не может по той причине, что в республике, как мы знаем, суверенитет принадлежит нации, следовательно, одна личность не может обединить две республики, т. е. представлять два суверенитета. В этом случае каждое государство сохраняет всю свою независимость, и в отношениях членов унии нет иерархии, ибо они равны. Члены унии могут иметь различные конституции (ибо не нужно забывать, что и в монархиях могут быть конституции, ограничивающие власть монарха, как напр., в Англии, и этим конституционные монархии отличаются от монархий абсолютных). Можно допустить такой случай, когда монарх унии «абсолютен» в одном государстве — члене унии и «конституционен» в другом.

Эта форма союзного государства наиболее хрупкая. Она, во 1-ых, обусловлена монархическим строем правления и, во 2-ых, судьба ее зависит от системы наследования престола в странах-членах унии, если законы о престолонаследии не одинаковы в государствах-членах унии (скажем, если в одном государстве применяется закон наследования по прямой и боковым мужским линиям, с исключением женщин, т. е., так наз. «салический закон», — а в другом то же право престолонаследия переходит по первородству, не исключая женщин, как, напр., в Англии и Голландии). Таких союзных государств в настоящее время больше нет, и они принадлежат истории. Так существовала личная уния между Англией и королевством Ганноверским с 1714 г. по 1837 г., т. е., до занятия английского престола королевой Викторией, которая не могла вступить на престол Ганновера, перешедший к мужскому наследнику в боковой линии. От 1825 г. по 1890 г. существовала личная уния между королевством Нидерландским (Голландией) и великим герцогством Люксембургским. Университет распалась по той же самой причине, что и англо-гавноверская: королева Вильгельмина (нынешняя королева Голландии) вступила после смерти своего отца на голландский престол. но салический закон наследования отстранил ее от люксембургского престола. С 1885 г. до 1890 г. Бельгия была соединена личной унией с Конго (Берлинская Конференция 1885 г. признала за Конго права государства), которое до 1885 года

считалось личной собственностью короля Леопольда I, «завещавшего свое имущество» Бельгии. В Конго король Леопольд был абсолютным монархом-«собственником» (патримониальная, вотчинная система), — в Бельгии конституционным. В 1890 г. Бельгия «аннексировала» Конго и уния прекратилась. В этом «деле королевского наследства» весьма любопытно одно решение брюссельского Высшего Суда: «Король писали бельгийские юристы, был абсолютным господином всех «вещей» (!) и даже суверенитета (!), которыми он мог распоряжаться, как угодно, т. е. уступить, завещать и продать... Нация не имела законного существования, ибо государство олицетворялось личностью суверена». Решение это было вынесено бельгийскими судьями в связи с «покойной унией» в.... 1911 году. Комментарии, как говорится, излишни. Решение это, которое можно назвать варварским, является лучшей иллюстрацией к той части нашего очерка, в котором мы говорим о вотчинном суверенитете.

Союзные государства члены реальной унии основаны, по крайней мере теоретически, не на временной связи, но на связи постоянной. Суверенитет каждого государства поглощен общим суверенитетом союза и, таким образом, во внешних своих сношениях союз представлен общей союзной дипломатией. Внутри же каждого государства, члена реальной унии, и законодательство и государственные установления самостоятельны и различны. Обычно реальная уния являлась результатом полу-поглощения победенного победителем. Так например, в 1815 г. Норвегия, победенная Швецией, должна была принять предложение заключить реальную унию. Но, в стремлении к самостоятельности. Норвегия всторовала в 1905 г. в Стортинге (норвежский парламент) закон об отделении, конфирированный затем плебисцитом, и Стокгольмский договор признал уничтожение реальной унии и, следовательно, независимость Норвегии.

Примером последней реальной унии была австро-Венгрия, установленная так называемым «компромиссным договором» в 1867 году, т. е. после поражения Австрии Германией под Садовом и после исключения ее из Северо-Германской Конфедерации. Эта форма унии более сложная, нежели уния, нами перечисленные. Австро-Венгерское союзное государство имело общее внешнее представительство (общее Мин. Иностр. Дел), общее военное управление (Военное Мин.) и общие финансы. Австрийский и Венгерский парламенты избирали каждый свою «парламентскую делегацию», и эти две делегации образовывали союзный законодательный орган. Обе делегации, состоящие каждая из 60 депутатов, избирались на один год и заседали один год в Вене, другой год в Будапеште. В принципе делегации заседали и вотировали отдельно, но собирались на пленарные заседания. Монарх был императором в Австрии и апостолическим королем в Венгрии. В 1918 г. реальная австро-венгерская уния прекратилась.

Интересно отметить, что вышеуказанный «компромисс» официально заключался только на 10 лет и возобновлялся каждое десятилетие.

Для полноты обзора заметим, что в настоящее время существует реальная уния между Данией и Исландией, заключенная в 1918 г.

— «» —

Конфедерация соединяет несколько государств, остающихся независимыми, как во внутренней их организации, так и во внешней их политике, кроме определенных случаев, предусмотренных союзным договором и являющихся, в сущности, целью соглашения («линия поведения» в международной политике). Конфедерированные государства сохраняют каждое свой суверенитет и, таким образом, никакого «союзного суверенитета», а значит и особого конфедерированного государства в данном случае не существует.

Целью конфедерации является обычно общность наиболее важных жизненных интересов. В истории международного права мы знаем конфедерации, основанные либо для организации общей защиты против возможных агрессий, либо для поддержания мирных отношений между самими членами конфедерации, либо для организации общей финансово-экономической системы. Интересно отметить, что цели конфедерации совпадают, по крайней мере, теоретически, с целями... Лиги Наций с той только разницей, что Лига Наций, создав раз и на всегда в 1919 году свой статут (так называемый «Пакт Лиги»), приглашала остальные государства присоединяться к нему во имя общих отвлеченных идей справедливости, ею же и выработанных, — в то время, как конфедерации организовывались по признаку наибольшего совпадения реальных интересов и, каждый раз, на основе отдельных международных договоров заключаемых ее участниками.

Конфедерации принимали решения в особых собраниях (так наз. «комитетах» или «диэт'ах»). Депутаты таких собраний вотировали согласно инструкций своих суверенов, или министров иностранных дел, т. е. были не столько избранниками, сколько дипломатическими агентами своих государей и правительств. Решения принимались в большинстве случаев единогласно и должны были быть ратифицированы суверенами (как и постановления Лиги Наций). Решения эти применялись внутри каждого государства, члена конфедерации, на основании постановления правительства каждой страны, сохранившей таким образом весь свой суверенитет.

Таким образом, союзное государство конфедерация не есть государство в тесном и точном смысле этого слова, но оно все же является субъектом международного права, будучи представлено союзным органом «ассамблей»,ющей даже входить самостоятельно в сношения с другими государствами и заключать договоры (под условием последующей ратификации членов конфедерации).

Каждое государство может выйти из конфедерации по поводам и в случаях, предусмотренных в союзном договоре. Конфедерация является обычно временной формой союзного государства и превращается затем в федеральное государство. Так Швейцария была конфе-

дерацией (государство кантонов) до 1848 г.: Германия была Германской Конфедерацией до 1866 г.; Сев. Ам. Соед. Штаты были конфедерацией от 1778 до 1787 г. В настоящее время союзных государств в форме конфедераций более не существует.

Прежде, чем приступить к рассмотрению федеральной системы союзных государств, мы полагали необходимым предпослать этот краткий очерк. Мы намеренно опускаем исторический анализ абсолютных монархий, ибо мы полагаем, что в нашу задачу — анализ республиканских конституций — не входит ни аналогия ни критика режимов, в которых личность абсолютного монарха обожествляется и в которых не существует прав гражданина. Эпоха абсолютных монархий канула в вечность не только во времени, но и в чисто психологическом отношении: кому, в самом деле, может прийти мысль в голову о неравенстве людей при рождении, о праве господства человека над человеком и о «божественной» основе такого «права»?

Итак, мы переходим к определению понятия *федерального государства*, т. е. той системы правового построения союзного государства которая предусмотрена ст. ст. 1, 2, 14, 15, 16 и др. Союзной Конституции «В. К.».

Федеральное государство есть национальное образование, в котором «нал-государство» (или «сверх-государство», «Super-Etat»), как бы «изложен» поверх государств-членов федерации (Maurice Hauriou, «Droit Constitutionnel»). Внешний суверенитет государств-членов федерации исчезает, поглощается союзным суверенитетом: суверенитет внутренний значительно ущербляется и очень часто сводится к нулю. Это сверхгосударство (т. е. союзное государство, в данном случае Казакия) имеет возможность определять свою собственную компетенцию и может следовательно, постепенно уменьшать круг компетенций членов федерации, либо федеральным (союзным) законодательством, либо изменениями союзной конституции.

В каждом федеральном государстве неизменно развивается центробежная, централизующая сила, против которой чрезвычайно трудно бороться. И, хотя союзные конституции (в частности, последняя советская конституция 1936 г.) говорят обычно только об одной союзной национальности всех граждан государств-членов Федерации, в действительности же — и практически и теоретически — речь идет о двух национальностях (т. е., союзной и областной) и о двух суверенитетах (т. е., союзном и областном), находящимися в состоянии «контрадикционного покоя» (т. е., не проснувшегося пока что противоречия до тех пор, пока... не вспыхнет конфликт между разными «национальностями» Федерации). Достаточно вспомнить конфликт, нараставший постепенно между чехами, словаками и карпато-украинцами. (Между прочим, вместе с французскими юристами, мы не раз-

деляем мнения германского проф. Лабанда, определяющего федерацию, как «государство государств», ибо «государство» никогда не теряет суверенитета, в федерации же потеря суверенитета члена федерации в пользу союзного государства очевидна и низводит члена федерации на степень автономной провинции).

Центральный союзный орган, «эмансация». т. е. отражение воль Областей, организует федерацию и являющуюся, в сущности, государством в собственном смысле этого слова, со всеми атрибутами суверенитета. Политико-этнические группы, члены федерации (Области, составляющие союз), теряют не только форму, но и самый «титул» государства. С точки зрения внутреннего суверенитета (A. Bonde, *Droit Constitutionnel*), центральная власть имеет право общего законодательства (в области права гражданского, торгового, процессов и пр.), автономные же провинции сохраняют лишь ущербленное ограниченное право законодательства в области просвещения, администрации и вопросов культа. Центральный орган является настоящим парламентом, в котором решения принимаются большинством голосов, как во всех «представительных собраниях». Союзная конституция, — а не «пакт» и не договор, как в конфедерациях, — связывает членов федерации навсегда и ни один из членов федерации не вправе порвать эту связь.

Динамический закон эволюции, как мы говорили, заставляет федеральные государства принимать форму унитарных государств.

Таким образом, федеральная форма создает систему чрезвычайно сложных и тонких отношений, как между самими членами федерации, так и в особенности между членами союза и самим союзом («сверх-государством»). Эта сложность касается, главным образом, области внутреннего публичного права и, именно, права конституционного, а вовсе не права международного, т. е., права внешних сношений союза (в противоположность тому, что происходит в конфедерациях).

Право внешних сношений принадлежит, естественно, всегда федерации (мы знаем только одно исключение из этого правила, а именно «право легации», принадлежавшее Баварии в федеральном Германском Рейхе 1871 г.) — и обычно не создает трудностей в отношениях между провинциями-областями и союзом-федерацией.

Следующие государства сохраняют в настоящее время федеральный строй: Сев. Ам. Соед. Штаты, Швейцария, Мексика, Колумбия, Бразилия, Венесуэла, Аргентина, четыре из доминионов Великобритании (Канада, Австралия, Ново-Зеландия и Южно-Африканский Союз). До прихода к власти А. Гитлера, т. е. до отмены Веймарской Конституции и до аннексии Австрии, Германия и Австрия были федеральными государствами. Анализ государственной системы современной Германии не входит в нашу задачу. Европейские юристы склонны считать С.С.С.Р. также федеральным государством, хотя советские юристы не любят ни термина «автономия», ни «федерация». Советская «союзная» конституция, трактуя о «добровольном

об'единении равноправных советских социалистических республик» (ст. 13) и представляющая этим республикам «право свободного выхода из С.С.С.Р.» (ст. 17), упоминает о «федерации» только в применении к официальному названию Р.С.Ф.С.Р. (ст. ст 13 и 22) — как бы в память о... 1917 году.

— «» —

Вот общий контур той государственной формы, в которой авторы Конституции «В. К.» мыслят свою Казакию. Полноты и точности нашего очерка ради, мы должны были бы пополнить наши сведения изображением общей картины государственного устройства трех классических федераций (С.А.С.Ш., Германии до 1933 г. и Швейцария). Но помня о нашем методе анализа, мы полагаем, что мы должны коснуться этого вопроса — в плане сравнения — в очерках, которые мы посвятим анализу соответствующих глав Союзной Конституции «В. К.». Тем не менее, мы можем уже теперь наметить общиye критические положения, которые мы затем разовьем более подробно, когда коснемся вопросов об организации законодательных палат (Верховного Союзного Круга и Союзного Круга), судебных установлений и администрации Казакии.

Мы полагаем, основываясь на исторических примерах, что государство, состоящее из семи областей, с общим населением, не превышающим 10—12 миллионов, из областей, которые в прошлом не все были самостоятельными державами и население которых не обладает в достаточной степени государственно-правовым сознанием и подготовленными кадрами, надо избегать формы федеративного устройства государства. Принцип федерации влечет неизбежно постоянные между-областные конфликты, как в плане частно-правовом, так и в плоскости публично-правовых отношений. Конфликты эти, проистекающие из различных толкований текстов союзной и областных конституций и текстов союзного и местного законодательства, должны, естественно, постоянно тормозить правильное применение норм права в судебных установлениях республики и приведение в исполнение приговоров судов, равно как и непрерывное и последовательное функционирование органов исполнительной власти. Не так велика территория предполагаемого государства, не так велико его население, не такова государственная подготовка и, что более важно, не так уж различны местные обычаи и традиции Войск-Областей, чтобы рисковать, во имя торжества принципа «союзности» и «федеральности», однородной в сущности силой и национальным характером молодого государства.

Мы полагали бы возможным рекомендовать одну общую конституцию государства (Республики) Казакии. Таким образом, была бы избегнута громадная опасность морального отрыва той или иной Области от Союза, и сложной юридической системы, при которой нужно, чтобы все граждане были «юристами», чтобы разбираться в конфликтах между законами восьми систем (союзное государство и семь Областей). Ни

двух национальностей (федеральной и областной), ни двух суверенитетов (или, вернее, ни восьми суверенитетов, хотя бы именно потому, что областной «суверенитет» превращается в миф), ни нескольких конституций, ни деления (в смысле публично-правовом, конечно) на Области, как «членов» федерации.

Все то, что авторы конституционных текстов «В. К.» 1932 и 1939 г.г. относили, в заботе о краевом-войсковом быте и традициях, к области конституционного права, может быть отлично и без всякого ущерба отражено в общем все-казачьем законодательстве и в местных войсковых законах. Будь то особенности в области религиозного культа (признание права ассоциаций за культурами, участие духовенства в гражданской жизни населения, выборы и организация приходов и пр.), будь то в области права гражданского, торгового или процессов (особенности при заключении сделок, особые условия брака, наследования, семейного права, особых местных судов и т. д.), — все это может найти место в общем государственном законодательстве унитарной Казакии. Даже положения о Войсковых Атаманах и о Войсковых Кругах, и Радах, могут быть определены особым все-казачьим законом.

В случае необходимости, можно было бы включить публично-правовые положения (законы о Кругах, Радах, Войсковых Атаманах и круге их компетенций) в Конституцию Республики.

Такой способ государственного устройства в значительной степени упростил бы ту сложную «конфликтную» систему, которую авторы проектов Конституции «В. К.» вложили, как основной принцип, в Союзную Конституцию.

Мы понимаем отлично, думается нам, ту политическую мысль, которая легла в основу этого построения: идея эта заключается в признании историко-политической самобытности каждого Войска-Области и, в уважении к этой идее, мы не позволили бы себе выйти за пределы чисто юридической критики Союзной Конституции, если бы юридическая история федеративных государств не указывала нам явно на недостатки федеральной системы.

На этом мы и закончим пока определение того, что в Союзной Конституции «В. К.» названо «союзным федеральным государством». Мы еще не раз вернемся к этому вопросу при рассмотрении системы органов государственного управления.

— «» —

Нам остается сказать еще несколько слов — как мы предполагали в прошлом очерке — о народоправстве и о конституционном контроле законов и административных актов (ст. ст. 14 и 21 Союзной Конституции).

Ст. 14 Союзной Констит. говорит о «принципах народоправства и суверенности Казачьей Нации», на которых построена Казачья Республика.

Принцип «народоправства»... Что это такое? Народоправство именуется в современных конституциях «демократиями». Чему эти демократии противопоставляются? По этому поводу

можно было бы написать очень много... бесполезных слов. Сущность сводится, однако, вот к чему. Само слово «демократия» (слово греческое: «демос» — народ, «кратос» — власть, т. е. — народовластие) говорит нам о том, что демократии суть государства, в которых правят народы. Демократии противопоставляются «аристократиям», где правит «аристос» (т. е. лучшие, избранные, или, выражаясь на монархическом языке, привилегированные).

В эпоху существования абсолютных монархий термин «демократия» имел очень определенный смысл: Республика — «общая вещь»; власть — народу (всеобщее избирательное право), суверенитет — нации, конституция — высший национальный основной закон. Но демократический строй, силою целого ряда обстоятельств, а, главным образом, по причине гипертрофии (т. е. вырождения, перерождения) парламентаризма, вовсе не всегда соответствует подлинному народоправству. Недостатки избирательной системы, фактическая власть плутоократии («плутос» — богатство, плутоократия — господство финансистов, благодаря организованным выборам), недостаточная сила центральной исполнительной власти и проч. создали такое положение, при котором формула Руссо о народоправстве («все для народа, все посредством народа») потеряла всякий смысл. Современная парламентарная демократия имеет своих очень сильных критиков (Андрэ Тардье во Франции). Если же обратиться к юридической доктрине, скажем, к авторитетному мнению проф. Ориу, то мы увидим, что, ссылаясь на Монтескье («Дух Законов», Кн. II, гл. II), этот блестящий ученый юрист дает нам следующее определение: «Если суверенитет находится в руках части нации, речь идет об аристократии, если же он находится в руках всего народа в целом, речь идет о демократии». Ориу устанавливает критерий «части народа» и «народа в целом». Таким образом, демократия в ее чистом виде, как принцип, могла бы быть определена, как режим индивидуалистический (т. е. режим, в котором возможно развитие прав личности) и эгалитарный (т. е., основанный на равенстве). Режим аристократический, по мысли Ориу, является также режимом индивидуалистическим, но не эгалитарным, ибо в нем нет равенства, а есть привилегии классов, или групп.

Таким образом, демократия является таким режимом, при котором суверенитет принадлежит народу и поконится на универсальности (т. е. на всеобщности) всех граждан, равных перед законом.

Почему, спрашиваем мы себя, авторы конституции «В. К.» не употребили выражения «демократия», а предпочли ему «народоправство», как напр. в ст. III Декларации Воли и в ст. 14 Союзн. Конституции?

Мы не будем утверждать, что мы поняли мысль авторов, но мы можем с достаточной долей достоверности предположить, что слово «демократия» теперь не соответствует «народоправству»... Народ вовсе не всегда правит в демократических странах, благодаря порочной системе парламентаризма. По этому поводу можно было бы написать большую чисто политическую

статью. Это не наша задача. Нашей целью является только напомнить, что вырождение парламентаризма, благодаря порокам избирательной системы и системы управления, вовсе не должно быть отожествлено с отрицанием народоправства, как принципа. Только народоправство это можно и должно понимать иначе: народ равных может подлинно править через «лучших его избранников» (ст. III Декларации Воли). «государственная публично-правовая власть Республики» может «принадлежать всей Нации» (ст. 12 Союзн. Конст.) и, наконец, власти законодательная, исполнительная и судебная могут быть переданы в «порядке делегации» органам Республики. Другими словами, народ может править и иначе, не совсем так (или совсем не так), как это происходит в «демократиях», которые приходится взять без всякой иронии в кавычки, и никакого стремления к «тоталитарности» в этом толковании народоправства нет.

На днях парижская газета «Журналь де Деба», а за нею и парижские «Посл. Новости» Миликова утверждали, что передача суверенитета лучшим избранникам есть «высший закон рабства». Ничего подобного. Рабство там, где нет справедливого и справедливо применяющегося избирательного права. «Лучшие» не должны обожествляться, а избираться, и куда справедливее жить, будучи управляемыми этими «лучшими» из своей среды и под защитой применяемого закона о равенстве и свободе выборов, чем в государстве, где избирательный закон покровительствует «плутоократам» и где депутат превращается в профессионального «народного представителя».

Впрочем, в этой критике современного парламентаризма мы не одиноки, ибо целый ряд виднейших политических деятельей Франции и С. А. С. Штатов стоит именно на этой точке зрения. Граница между «аристократией», «демократией», «народоправством» и «авторитарностью» искусственна, и идеал государственной жизни может быть достигнут только тогда, когда ни одно из этих понятий и принципов не будет возведен в доктат: и принцип аристократии (в смысле лучших, достойнейших, но не... привилегированных), и принцип демократии (но в смысле понимания его, как подлинного народоправства, а не распущенности в свободе), и принцип авторитарности (в смысле сильной центральной власти), в сочетании своем могут дать подлинную «общую вещь», подлинную Республику.

Вот, как кажется нам, та причина, по которой авторы Конституции «В. К.» предпочли термин «народоправства» определению «демократия».

Изучение системы представительных органов укажет нам, как народоправство должно осуществляться в Казакии согласно Союзной ее Конституции.

Нам остается выяснить вопрос о «праве конституционного контроля». Но этот вопрос мы отложим до следующего очерка.

Юрист.

(Продолжение следует).

Українцям з „Вістника“ та їхнім однодумцям

(ДЕ КРИМ, ДЕ РИМ, А ДЕ-Ж ТА ПОПОВА ГРЕБЛЯ?).

IV.

В попередньому числі «ВК» ми цітували відповідь Л. Л. Бича «історикові» П. Сулятицькому в справі «приєднання Кубані до України». Використаєм ту-ж саму відповідь Л. Л. Б. для освітлення ще двох питань, а саме: «приєднання до України Чорноморської Губернії» та розвою подій в 1917 році на самій Україні.

Отже, що торкається Чорноморської губернії:

«Як докір кубанським провідникам, — пише Л. Л. Бич (дивись той самий «збірник», сторінки 268 та далі), — п. Сулятицький неоднократно показує на приклад Чорноморської губернії, кажучи, що населення її «з початку революції висловило свою думку що до долі свого краю і послідовно трималося її», на доказ чого й покликається на резолюцію віча Новоросійських українців з дня 18 березня 1917 року, в якій першою точкою вимагається (від кого? Ред.), щоби «Україна в межах поширення її людності отримала (від кого? Ред.), як і другі нації, культурно-політичну автономію з окремою Думою або Соймом», а точка друга каже: «вважаючи, що українська людність в Новоросійську не купка обєднаних ідеєю або професією людей і не колонія зайшлих в чужий край земляків, а є краєвий народ, національна стихія, аборигени краю, Кубанці, віче ухвалює за необхідне, щоб від української людності було введено в Комітет «Общественной безопасности» не менше, як три представника».

Розберемося в цій резолюції, як далі і в інших документах, що торкаються Чорноморської губернії, щоб побачити, до якої міри безкритично ставиться наш «історик» до документів, з яких робить рішучі висновки.

З наведеної резолюції видно, що її приймало не населення краю, а тільки віче новоросійських українців. Вже сам по собі Новоросійськ — не край, а тільки одно місто в краю. А потім — не відомо, скільки ж українців в Новоросійську (Перепис 1923 року дав на 49.055 мешканців 10.275 українців, себ-то 21%... Якщо всіх «руссів» зачислити до українців (а це не можливо), то й тоді б їх було лише 21.337, себ-то біля 44%). Що їх там зібралося на віче не багато, видно бодай з тої дуже скромної вимоги, яку вони поставили до Комітету «общественной безопасности» — допустити їхніх трьох представників. Беручи на увагу, що в подібних комітетах звичайно було по 50-60 членів (в Катеринодарському — біля 80), ясно, що ці 3 члени, якщо їх було допущено, не могли грati там якої будь видатної ролі, а тим паче не могли претендувати на значіння заступників населення цілого краю.

Більш серйозного значення була резолюція з дня 30-VII-1927 р. Зізду українських діячів та

представників українського населення Чорноморської губернії, п. «д» якої, як що вірно передає п. Сулятицький, говорив «про приєднання Чорноморської губернії до України». Пригадується, що в резолюції цій було сказано про бажаність приєднання Чорноморської губернії до України, як що приєднається й Кубань. На жаль, не маємо тексту цієї резолюції, а тому й не можемо перевірити цього. На цім зізді брали участь і селяне Новоросійської округи, головно, бувши Чорноморські козаки (Шапсугський батальон)*...

«Пізніше, в осені, — каже автор (Сулятицький), — коли, прибувши в Чорноморську губернію, І. Л. Макаренко і Ф. А. Щербина запропонували, було, представникам населення губернії приєднатися до Кубані, то останні їм відповіли, що Чорноморська губернія радо це зробить, якщо Кубань приєднається до України». Факт безумовно інтересний, як би він в дійсності був, а тож ні Ф. А. Щербина, ні І. Л. Макаренко в Чорноморську губернію не їздили з пропозицією приєднатися до Кубані і тому, розуміється, не могли почути відповіді, яку наводить наш «історик».

Але в решті решт, яке це має значіння, чи їздили чи не їздили, коли п. Сулятицький може навести резолюцію з дня 4 січня 1918 р. загальних зборів цілих «29 зареєстрованих (ким? Ред) політичних, національних, громадських і професійних організацій міста Новоросійська, які постановили: а) просити Українську Центральну Раду про приєднання й включення нашого краю в Українську Народну Республіку; б) запропонувати на обговорення і для підтримки цю резолюцію в найскоршому часі Губернському зіздові представників Чорноморської губернії**) (а як би Губернський зізд одкінув цю резолюцію? Л. Б.); в) довести про ці рішення до відома Кубанської Законодавчої Ради і висловити побажання, щоб Кубанський Військовий Уряд, який безсумнівно поділяє велику думку обєднання всього

* Зізд цей скликано було з ініціативи українського діяча, що стало жив в Новоросійську, С. Ерастова. Членів зізду всього було біля 20 душ. З доручення Кубанського Військового правління, автор цих рядків вітав зізд від Кубанського В. правління (їздів спеціально для того в Новоросійськ). Представників Кубані кинулись в очі ця мала кількість членів зізду та абсолютна байдужість Новоросійська до самого зізду (що тривав де-кілька годин) та його праці.

Про приєднання до України дійсно говорилося на зізді, але вирішення такого питання ставилося в залежність від позиції Кубані.

Мушу ще додати, що українці в Чорноморській губ. не грали ніякої ролі (та й не пробували активно її грati), що до вирішення долі того краю в роки 1917-1920. — I. Білій.

**) Зізду такого не було. Ред.

українського народу в одну цілу і міцну державу, підняв би подібне питання і відносно спорідненого і близького нам Кубанського Краю («Проці рішення до відома Кубанської Законодавчої Ради» доведено не було! Ред.); г) просити Генеральний Секретаріят У. Н. Р. взяти на увагу оцю резолюцію, не відмовити нам в допомозі і підтримці і **дати нам фінансову і матеріальну допомогу, яка буде потрібна...**

Треба нагадати, що в цей час в Новоросійську вже кріпко засіли більшовики: 4 січня відбулися збори (властиво, віче в «Народнім Домі») 29 протибільшовицьких організацій, а 6 січня Новоросійський Революційний Комітет проголосив війну Кубанському урядові. Отже, одно з двох: або ці організації були остатільки сильними, що Рев. Комітет не мав сили розігнати зборів, або навпаки — вони були остатільки безсилими, що Комітет не звертав уваги на ці збори й ухвалені ними резолюції, дивлячися на них, як на «красномовні вправи». Рішати цього не беремося, але дальніші факти показали, що реальна сила в кождім разі була по боці Комітета, а не резолюції.

Та по суті річи й сама резолюція свідчить про однайдущий настрій цих 29 «зареєстрованих» організацій. Це був, так би мовити, «крик наболілової душі», або гвалт з боку того, хто, тонучи, хапається за соломинку. А це можна бачити навіть зі списку організацій, що брали участь в зборах: там є три українські організації, а саме: Чорноморське українське товариство «Просвіта», українська партія соц. рев. і Чорноморська Українська Рада. Далі йдуть 16 організацій і установ професійних, національну принадлежність яких не можна визначити. В кожнім разі, при 21% українців серед Новоросійського населення, трудно припустити, щоб це були організації українські. Ще далі — партійні й національні організації, а саме: 1. Вірменська революційна партія «Дашнакцутюн», 2. Грузинське культурно-просвітнє т-во, 3. Чехословацьке товариство, 4. Вірменський комітет с. д. царії Гічакістів, 5. Рада Новорос, націон. жидівської Громади, 6. Новоросійська Естонська громада. Нарешті слідують чисто великоруські організації: 1. Новоросійська організація російської с. д. робітничої партії, 2. Чорноморська группа партії с. р. З. Партия Народної Свободи (к. д.) і 4. соц. дем. партія — група «Єдніння».

Перебираючи цей список (слід би ще було поставити питання про кількість членів в кожній з цих організацій! Ред.), бачимо тут наявне «чудо природи»: українськими «патріотами» тут є не тільки грузини, вірмени, чехи, естонці — це ще припустимо (?! Ред.), але й жиди, але й великороси — с. р., с. д. у двох варіантах, к. д! Це, певно, одиничний в світі випадок визнання української державності представниками «великодержавної» нації, і тому нікого не може здивувати розчленення й захоплення п. Сулятицького цею «яскравою ілюстрацією». Але нас трохи охоложує п. «г» резолюції, яким проситься Генеральний Секретаріят УНР «взяти на увагу оцю резолюцію, не відмовити нам в допомозі і підтримці і **дати нам фінансову і матеріальну допомогу, яка буде потрібна...**

... Отже, так сумно випадає справа з «яскравою ілюстрацією»

приєднання Чорноморської губернії до України, — кінчає Л. Л. Бич.

V.

Як же в той час, себ-то в 1917 році, було на Україні?

Знову таки й для відповіді на це питання використаємо працю Л. Л. Бича. (Дивись стор. 260 та далі).

.. «Беремо добу боротьби Центральної Ради з більшовиками перед виходом з Київа на Житомир (січень 1918 р.), — пише Л. Л. Б. — Отже, біля року вже існувала Центральна Рада. За цей час відбулося багато національних свят. Здається, з найменшого села надходили запевнення віданості Раді й обіцянки збройно стати за неї. Були виголошенні вже всі чотири Універсалі й проголошено свою українську незалежну державу. Був свій, правда, ще не вдосконалений, не стрункий державний апарат. Здається, багато було зроблено для розбудження національного почуття й в кождім разі урочисто виголошено гасло — **національне визволення українського народу**, що, на думку «історика» (Сулятицького), повинно б магично діяти на маси. А проте... **«з правителством отступила до Житомира невелика жменя війська (всього біля 2000 солдатів)»**, — так пише П. Христюк. «Українські солдати в своїй масі об'явили свій «нейтралітет» в війні, а селянство просто дивилося, що з того вийде. І Центральна Рада «обіцяє багато», і більшовики ще більше... Пізніші настути Московських більшовиків на Україну, — під час яких українське селянство змогло вже перевірити політику більшовиків на ділі, розслойилось на свої складові частини і вкрило Україну широкою, страшною хвилею повстань проти більшовиків, — показали, що в цей час першого приходу московських більшовиків на Україну **селянство іменно тільки придивляється**... І виходить, що ні **«магічних гасел, ні пропаганди, ні авторитету національних установ не вистарчало, щоби підняти маси на боротьбу за ідею національного визволення**. Треба було наглядної та кріпкої більшовицької чи деникінської науки, треба було порівнання свого ладу з чужим, своєї держави з окупацією, щоби розворушити ці маси до здигнення на збройний чин, щоби вщепити їм ідею національного визволення. **І для проходження курсу «наглядної науки»**, видається, мало було одного року, бо в нашому випадку курс ростягся на цілу низку років та ще й досі не закінчений. Національна свідомість дає можливість пройти цей курс за дуже коротенький час і про це теж свідчить українська практика»...

— Так було з українськими масами.

А як було в той час з українськими проводирами, яких так не любить зараз «Вістник»? Як було з українською самостійністю, з українським сепаратизмом?

... «Пригляньмося, — пише Л. Л. Бич (див. стор. 265 та далі), — що було в той час на Україні:

«Українська Центральна Рада до 10-VI-1917 р., себ-то до видання І Універсалу, являлася **національно-культурним** центром. Весь період з березня по 10 червня характеризується п. Хри-

стюком, як «національно-культурницький період української революції». Лише по оголошенні цього Універсалу зачинається період одвертої національно-політичної боротьби. Після II Універсалу з 3-VII-1917 р. Центральна Рада перетворюється в **парламент**, а разом з тим утворюється **Генеральний Секретаріят, як міністерство для автономної України в складі Російської республіки**.

Як відомо, центральне Російське Тимчасове правительство довго не хотіло визнавати автономної організації України й лише 4-VIII-1917 затвердило тимчасову інструкцію для Генерального Секретаріату, обчикриживши повновласти Секретаріату та поширивши ці повновласти тільки на 5 губерній: Київську, Волинську, Подільську, Полтавську й Чернігівську (за виїмком 4 повітів). В цій політичній формі (автономія) і на цій території визнавалася Україна до большовицького перевороту*).

ІІІ-ім Універсалом (7-11-1917) Центральна Рада проклямує Українську Народну Республіку в федеративній Росії, а до території її приєднє Харківщину, Херсонщину й Таврію, але цю останню — без Криму.

Отже, під оглядом політичним, в перший період, до червня, доки Центральна Рада була національно-культурною установою, політичне приєднання Кубані до України було просто неможливим, бо **України, як політичного тіла, не існувало**. В другий період, коли Україна стає автономною частиною Росії, приєднання до неї Кубані значило би входження цеї останньої, як частини Росії, до другої частини Росії. Але в політичних умовах того часу це теж було неможливим і про це **Центральна Рада навіть питання не підносила, бо Тимчасовий Уряд не дозволив включити в склад автономної України навіть основні Українські губернії — Харківщину, Херсонщину й Таврію...** Нарешті, в третій період, коли Центральна Рада сама закреплювала політичну форму своєї державності і сама встановлювала свої межі, вона визнала собі тільки **тимчасову суверенну владу до утворення федерального уряду** (російського! Ред.). Те саме в цей час зробила й Кубань...

Тільки після IV Універсалу Україна оформилася, як цілком самостійна держава... але цей Універсал видано було 9(22) січня 1918 р., а вже 25 січня (7 лютого) Центр. Рада й Секретаріят примушені були покинути Київ...

Під оглядом географичним справа ця уявляється так. Автономна Україна (червень-листопад 1917) відділена від Кубані широкими просторами Харківщини, Катеринославщини й Донщини. Після III Універсалу кордони України наближаються, але між ними все ж лежить Донщина з півночі та Крим зі заходу. Віддірванність територіяльна утворювала, без сумніву, відсутність яких будь тривалих звязків і безпосередніх впли-

вів з боку українців з Великої України на українців кубанських. Перші, захоплені своїми справами, **виявляли**, порівнюючи, **мало інтересу до кубанських справ і настроїв**. Це яскраво видно хоч би з того, що, передивляючися документи того часу, не зустрічаємо довший час навіть офіційних згадок про Кубань. Така згадка зустрічається вперше, як що не помиляємося, в «Заяві про внутрішне і міжнародне становище України», оголошений за часів Гетьмана Національним Союзом, за підписами Голови Союзу В. Винниченка й секретаря П. Дідушка, в середніх числах жовтня 1918 р. — себе-то вже в кінці другого року революції. Там читаемо: «спираючись на історичне та природне право кожного народу гуртувати в одно ціле всі відірвані від його частин, Український Національний Союз вважає цілком природним і необхідним злучення в один український організм всіх заселених українцями земель, які до цього часу через історичні та міжнародні обставини не ввійшли в склад Української держави, цеб-то: Східної Галичини, Буковини, Угорської України, Холмщини, Підляшша, частини Бесарабії з українським населенням, частини етнографічно-української Донщини, Чорноморії і Кубані».

Ця «Заява», розрахована, по словам П. Христюка, на громадську опінію Центральних держав, містить в собі широкий програм збирання Соборної України, розрахований на десятки років, бо передбачає повернення чи відібрання територій... від Московщини й зокрема **Донщини**, від Польщі, Угорщини та Румунії, з якими треба або доходити до погодження мирним шляхом, що цілком неймовірно — принаймні на довший час, або відбирати від них українські землі (але чи дійсно ж землі, що заселені, наприклад, на Дону українцями, суть землі українські? Коли ж це вони з козаців стали українськими? Ред.) оружною силою, шляхом повстань чи організованої війни, — що теж виключається на певне число років...

Отже тому, під час оголошення, «Заява» ця мала значіння програму максимум, як виголошення принципу соборності... (але) реального значіння цієї програм тоді не мав, як і тепер його не має.

Нині починаємо зачувати голоси про необхідність засвоєння засади, яка «логично випливає з становища розділеного між ворогами народу», а саме, що визволення частин українського народу повиннойти «з конечності незалежно, до певної міри самостійно, без активної підтримки одна одівії, а тому кожна ця частина мусить числити тільки на свої власні сили, свою працю, волю, здібності, засоби, ризик і жертви»...

Як що подивитися ретроспективно на перебіг подій визвольної боротьби за добу 1917-1920 рр., то власне саме це є побачимо: Кубань вела цю боротьбу, числючи тільки «на власні сили, свою працю, волю, здібності, засоби, ризик і жертви»...

... При оголошенню III Універсалу (7-XI-1917), як пояснює П. Христюк, Центральна Рада не включила Кубанщини в територію Української Н. Республіки... «Причини цього треба шукати в особливому характері революції і автономних змагань Кубанщині. Кубанські Чорноморські козаки, являючись частиною одного Кубанського

*) Мусимо на цьому місці ще раз зазначити, що Козацькі парламенти та уряди в 1917 році не посилали Тимчасовому Російському урядові на затвердження ні своїх конституцій, ні будь яких «інструкцій», а «вводили» їх в силу «якоюнім порядком. Близьче про це дивись в «Трагедії Казачества» та в відповідних статтях в нашому журналі. Ред.

Козачого Війська, дуже були звязані з загально-краєвими інтересами, які діктували козацтву окрему лінію політично-революційної боротьби... Кубанська Військова Рада (в жовтні 1917 р.) одноголосно висловилася за федерацівну республіку... Ставши на ґрунт федерації, Кубанці оголосили свою область окремою республікою, з окремою Законодавчою Радою і правителством на чолі».

Очевидно, — пише Л. Л. Бич, — Центральна Рада визнала той факт, що населення створило власну організацію й підходило до утворення своєї державності, остільки вистарчаючим, щоби визнати волю цього населення. Мабуть свою ролю тут відограла й та несприятлива обставина, що поміж Україною й Кубанню немає спільних кордонів: їх великим трикутником розрізує територія Донського Війська.

Таким чином, з боку Великої України ідея соборності щодо Кубанщини була заманіфестована (лише юднією з політичних організацій! Ред.) тільки теоретично та й то досить пізно. Жадних практичних кроків в цьому напрямі звідти не було зроблено...

... За короткий час революції 1917-1920 рр. не пощастило, або просто не вистачило часу створити міцну самостійну державу (Українську). Доки ж не буде самостійності, доти не мо-

же бути й соборності. На цей випадок справедливо каже В. Липинський, що «ідеї, віри, легенди про одну, єдину, всіх українців об'єднуючу, вільну й незалежну Україну провідники нації не створили, за таку ідею не боролись і тому, розуміється, така Україна здійсниться, прибрать реальні живі форми не змогла»...

В процесі революційної боротьби на Кубанщині національний момент грав другорядну роль. В основі цієї боротьби лежав момент політичний, бо населення (головно — козаки й горці) прагнули передовсім до здобуття прав... жити по своїй волі на своїй землі.

За це лилася кров на Кубані»...

— «» —

— Так свого часу відповідав бувший голова Кубанського уряду п. П. Сулятицькому. З тими поправками, які діктує нам наш ВК програм, ми можемо переадресувати все це п. Луговому й його однодумцям з «Вістника»...

Не знаємо, який «ефект» зробить ця наша відповідь на панів Лугових, але перед нами, коли читаемо ми всяких Лугових, Григорьевих, Ковалевських та всіх, їм подбіних, все частіше встає одне питання: для чого, власне, де-які українці так стараються та роблять все для того, щоб в козачій уяві не було ріжниці між українцями та росіянами «єдинонеділімцями»?

МОЯ ПОРАДА

Ширші кола Українського громадянства висловлюють задоволення розпочатою журналом «ВК» акцією запізнання й здруження двох народів — Козаків і Українців.

Щоб писати щось на цю тему, треба знати погляд мільйонових мас українства Радянщини, Галичини й Волині, треба, зрештою, знати і погляд численної й сильної української, по всім світі розпорошеної, еміграції.

А коли перед цим багатомільйоновим комплексом поставити питання: 1) чи воліють українці зріктись імперіалистичних тасел і з поміччю обєднаного козацтва скоріше досягти незалежності самого ядра Української нації, 2) чи вони готові чекати йще століття на збудовання, щасливим ходом історичних подій, Великої України, — то можемо сміливо твердити, що відповідь більшості була **за перше рішення, себ-то — культивовання дружби з козаками, підготовлення ґрунту для союзу в майбутньому, спільність діяння провідних верств вже тепер, напередодні неминучих міжнародних подій.**

Я особисто радив-би теоретикам (стою на досить високому пункті «попової греблі» і, тому, бачу далеко!) бути обережним в передчаснім закоркованні молодого вина і не смішити людей консервованням теорії про повстання націй. Був,

— знають вони це, — час, коли і греків, як нації, не було.. Не так вже давно і Німеччина, як нація — обєднана нація — існує...

Редактори «Вістника» та їхні однодумці відають про те, що не перевелись ще чудаки, які твердять, що «никакої України не було, нет и не будет»... Що ж за охота у них лізти в такі-ж самі «чудаки»!

Не може, немає права заглохнути в редакційних бурянах ота рослина, зернятко якої, з щасливої руки «невідомого українця», кинено на з'ораний ВК ґрунт Козачо-Української згоди.

А ви, Козаки й Українці, чи знаєте ви, що заєрливі вороні є буде каркати до-змору, щоб вас пересварити, щоб взародиши знищити оту рослинку?

А коли знаєте, — не звертайте уваги на оте каркання.

Те, що українська преса легковажить справою актуалізації козачо-української спілки, вважаю черговою помилкою українських «проводів». І цю помилку будуть розжовувати через пару десятків літ, як жують нині помилки свої або своїх попередників.

о. Д. Чирський.

с. Ромашківка на Волині.

Каждый вольный казак должен подписаться на ж. „ВК“

„Де кум, де коровай“...

Після такої «грунтовної відправи», яку уділив п. Луговий в ч. 4 «Вістника» на моого листа до братів козаків, уміщеного на сторінках «В. К.» в № 258 за 1939 р., — мені особисто й не належало забирати голос, але, з огляду на слушну реакцію «В. К.» в цій справі, змушений й я зареагувати в слідчий спосіб.

1) Іронічний заголовок п. Лугового на «емоційні» мої означення сам за себе говорить, що своїм листом зачепив я **амбіцію** такого поважного націоналістичного часопису, яким є «Вістник». В кожному разі стверджую, що зміст статті «Де Крим, де Рим, де попова гребля» не відповідає по суті провідній цілі та ідеї, про які я говорив в моєму листі до братів козаків.

2) Забираючи голос на сторінках «В. К.», я мав на увазі спричинитися до конкретного положення відносин між українцями й козаками, але виступив не в імені якої небудь кунюнктурально-штандарової партії, а в імені **сірих українських мас селянських**, серед яких живу й черпаю силу й досвід житівий.

3) Згадуючи в своєму листі Козакію, не утотожнював цього окреслення з поняттям **нація** в розумінні ідеольгії, яку репрезентує часопис «Вістник». Народні маси розуміють цю житівну правду, яка носить ім'я **нація**, — так: «свідомий свого людського й расового «я», — народній провід той буде провідним чи керуючим нацією, котрий в засаду своєї ідеольгії прийме й переводитиме в життя **реальні уłożення відносин між народами одної раси**, згідно з викристалізованою волею усіх творчих елементів нації, — себео елітою, котра буде мати безпосередній зв'язок з народними масами й працюватиме серед неї над усвідомленням і піднесенням культуральних її вартостей.

4) Коли в сучасні емоційні часи розвиток міжнародних відносин запаморочує голови не одному з відомих діячів світової слави, то, розуміється, немає нічого дивного, що в поняттю редакторів «Вістника» — може вона запаморочитися й звичайному сірому «невідомому українцеві». А коли взяти під увагу, що цей «невідомий українець» є собі звичайний грекосій, що орієнтується в міжнародній ситуації на підставі інформації детекто-ра, а історію свого народу пізнав не тільки теоретично, але й практично під час визвольної боротьби в 1917-20 рр., — то може п. п. Лугові будуть ласкаві уважніше перечитати мою відповіль братам козакам та ще раз докладно проаналізувати нашу історичну минувшину, памятаючи, що в недалекій майбутній перспективі виграє той,

хто не буде провадити доктринерської деморалізації, що не буде міняти ідеольгічні напрямки, в залежності від «конюнктури», а візмиться за конкретну конструктивну роботу над вихованням молодого активу своєї нації на здорових природніх засадах.

5) Можу запевнити п. Лугового й його однодумців, що, покликуючися на «Божу справедливість», я немав на думці жадної ультра-ідеольгії, побудованої на сучасних псевдо-християнських засадах. Поняття «Божої справедливості» в моєму розумінні є вічним, як вічним є Космос і поступ людського духа в згоді з Богом, яко найвічним опікуном усіх покривдженіх. Отже, ми, невідомі українці й козаки, що чимало витерпіли й ще досі терпимо від людської «справедливості», — віримо глибокс, що незабаром і проявиться Божа справедливість, яка розваже й погодить з іншими й нашу спільну справу: **вільного й незалежного життя в своїй власній державі**.

6) Шо до сусідського співжиття, то цю житівну правду сьогодні по ріжному люде трактують. Коли до цієї справи будемо підходити лише з пункту інтересів егоїстичних певної якої небудь партії чи гурту доктринерів, — то, розуміється, таке сусідське співжиття буде ріжно трактуватися. За прикладами не треба далеко ходити...

Отже, щоби, боронь Боже, в розумованні цієї тези не заблудити, прошу шановних редакторів «Вістника» поважно застновитися над цією проблемою, **аби ми в майбутньому знову не наборили спільніх помилок, сперечуючися за межу**.

7) В звязку з редакцією «Вістника», почуваюся в обов'язку знову звернутися з закликом до братів козаків: не перейматесь дискусіями й критиками «Вістників», — бож в майбутньому ще чимало буде ріжної дискусії. Властиво, в цьому подекуди полягає сенс боротьби за існування; бож в огні дискусії теоретичних і практичних пізнаємося близче взаємно та випростаємо багато спільніх помилок; бож врешті віримо, що **природного процесу відродження Українського й Козацького Національного Державного життя не загамує**

жадна людська сила чи «справедливість».

В імя цієї віри засилаю братам козакам-самостійникам свій гарячий привіт і ширі побажання витривати в доброму здоровлі до слушного менту.

Нехай живе Братерська Згода між українцями й козаками!!

Невідомий Українець.

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБ'ЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗ'ЕДИНЕНИМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ, ТОЛЬКО ОБ'ЕДИНЕНОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТАВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ, ТОЛЬКО ОБ'ЕДИНЕНОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТАВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

КТО ОН?

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ).

М. Г., господин Редактор.

Не откажите в любезности дать на страницах Вашего уважаемого журнала моему настоящему письму.

Прежде всего должен заявить наперед, что не с легким сердцем я пишу его и не сразу решился писать. Но также наперед хочу сказать, что пишу его не для полемики, не для увеличения числа спорящих сейчас в казачьем лагере.

Не сразу решился я писать потому, что не хотелось мне давать в руки казачьих противников (а их у нас не мало) и свою «лепту», свидетельствующую, что не все у нас, казаков, в порядке... Все же, если все будем молчать, порядка у нас не увеличится... Мы, ведь, молчали на своей земле, а что получилось?

Я один из многих тех, которые не вмешивались до сих пор ни в какие споры, какие велись или ведутся между различными казачьими группировками. Чтобы спорить, надо хорошо знать из-за чего спорить — ну, а где же она — истина? Конечно, для нас, казаков, главное — наше, конечно — сердце наше лежит на свои Края, но — как много еще всяких «но»...

Словом, я с большим нетерпением ждал уже несколько месяцев атаманского слова. Да и я ли один ждал его?...

Избрание ген. Попова в Донские Атаманы вызвало, было, несомненно, подъем настроения в массе казачьей эмиграции, особенно в среде «нейтральных» донцов, т. е., в среде тех, кто не принадлежал до сих пор ни к какой «партии». И наговорились, и написали по этому поводу довольно... Но больше всего ждали, что же скажет он сам, новый Атаман.

Думали, что скажет он свое слово в момент принятия избрания. Но Атаман пожелал раньше, чем говорить его, ознакомиться с обстановкой и поговорить с казаками. Скрепя сердце, примирились мы с этим и даже начали думать, что так и должно было быть.

Но, время шло... Атаман встречался с казаками, но в главных вопросах молчал. Все же ждали конца его об'езда, ждали итогов и результатов его поездки. Началось беспокойство, заговорили о разочаровании....

Наконец, так долго жданное слово мы услышали, вернее — прочитали в его официозе — журнале «Тихий Дон» (№ 1—2, 1939), изданном в Праге. Редактируется новый журнал назначенный редактором — М. А. Горчуковым, а начинается «посланиями» Атамана числом шесть, выпущенными им от 27 декабря прошлого года до 3 мая с. г.

Признаюсь, набросился я на этот журнал, особенно на то, что пишется от Донского Атамана или его доверенного — редактора.

Набросился, прочитал и... заболело в сердце. Не то. Или — нам не хотят сказать всего, что сами думают?

Я не хочу кричать, я не хочу протестовать, я хочу только поделиться с такими же, как я сам, своими мыслями по поводу моего прочитанного. Одним словом, я перестаю молчать. А что, если в первом номере «Т. Дона» все сказано? А что, если ждать нам оттуда действительно больше нечего?... А что, если это всего лишь плохое повторение 1918 года?...

Я хочу говорить, или — хотел бы говорить очень спокойно, он если не выдержу, можете меня одернуть.

—»—

Итак, я приглашаю всех своих «односумов» — взять в руки «Т. Д.» и будем читать его вместе. Будем читать и, одновременно, поговорим по поводу прочитанного.

Читаем первое послание (№ 6, 27 декабря, Париж):

«Два месяца провел я среди казаков во Франции... Я посещал станицы, хутора и отдельные группы. Везде я внимательно прислушивался к голосу казачьему: мне хотелось уловить истинное казачье настроение,

хотелось слышать подлинный голос казака о его чаяниях, заглянуть в его душу. И я вынес самое отрадное впечатление. Не сломили казака долгие и тяжелые годы пребывания в Зарубежье, не поколебали его невзгоды и суровое испытание. Казаки остались цельными, не надломленными, не искаженными духовно: я не видел — ни опустившихся, ни распустившихся казаков. Везде Донцы свидетельствовали мне свою непоколебимую верность Донским Основным Законам и вековым казачьим традициям. Везде я видел бодрый казачий дух, сплоченность, семейственность и домовитость... Прекрасное впечатление произвела на меня казачья молодежь, подростающее поколение, воспитываемое по заветам наших отцов»...

Хорошо написано. Но — это о нас! Это мы такие хороши! (Но, что мы такие хорошие, — заслуги нового Донского Атамана в том нет никакой!).

Но, он пишет о нас (может быть лучше, чем есть в нашей среде на самом деле), а нам как раз интереснее было бы слышать от него о нем и его планах и намерениях, хотелось бы услышать о его казачьей программе.... А этого как раз всего и нет в первом послании.

Переходим ко второму — посланию № 7 (10 января 1939, Прага). Здесь читаем то же самое:

«Я вспоминался в речи делегатов, не упомянула побеседовать с отдельными казаками. И я убедился, что первое мое впечатление меня не обмануло: и здесь Донцы как и во Франции, крепко стоят на основе нерушимости Дон. О. Законов, надежно охраняют прародительские традиции, верны заветам Отчизны (какой? — похоже больше, что России!) одухотворены одной надеждой и мечтой о родном Доне.... С огромным интересом я всматривался в детские казачьи глаза, вспоминался в их речи и присматривался к воспитанию казачьей молодежи. Душа радовалась: казачество — непреодолимая сила, с огромным и славным будущим»...

Словом, и здесь о нас, а не о себе и своих намерениях....

Читаем дальше послание № 8 (21 января 1939, Прага):

«И здесь (в Германии) я всматривался в загорелые, родные лица, жадно слушал казачьи речи. Это те же казаки, что во Франции и Чехо-Словакии: здоровый, бодрый дух, сплоченность, верность законам Отчизны (какой?) и мечта о родных краях.... Поговорили, погрустили и «заиграли» казачьи песни... Не так много казаков в Германии, но все доволыны своим положением и заботливо поддерживают между собою связь без разделения по Войскам, и в этом я вижу залог нашего крепкого единения»...

То же самое: Атаман жадно слушает казачьи речи, а казаки жадно ждут атаманской речи...

Но, вот уже второй раз попадается «Отчизна» с большой буквы (а родные края — с маленькой!). По смыслу — Россия.

Для тех, кто умеет думать, многое уже ясно. Но, идем дальше.

Четвертое послание № 9 посвящено Югославии и Болгарии.

В Белграде «был радушно встречен», а потом «беседы нарисовали мне знакомую и отрадную картину твердого настроения казаков». Во время пребывания в Белграде я несколько раз посетил Терского Войскового Атамана ген. Доводенко, для беседы по нашим общим казачьим вопросам, а по дороге в Болгарию побывал с той же целью у Кубанского Атамана ген. Науменко, проживающего в Краеве. (Ну и что же?)...

И все. Дальше Болгария: «Из бесед с казаками я вынес самое отрадное впечатление... Атаман станицы (в Пернике) представил станицу в блестящем виде: истый казачий дух, крепкое единение и бодрое, здоровое настроение... В Софии... горячие речи показали мне, что и здесь, как повсюду, казаки непоколебимо верны законам отчизны (какой?), тоскуют по родным

край, свою судьбу вверяют своему избраннику и полны надеждою на скорое возвращение домой... **Везде казаки — одна дружная, крепко спаянная семья.** Всюду радущие и сердечный прием. **Все живут одною мечтою освобождения родных краев от большевицкого ига, какою угодно ценою...** Казачья молодежь везде воспитывается в казачьем духе»...

— Итак, при самом внимательном чтении атаманских посланий я нашел в них блестящий аттестат нам, казакам, что **у нас все хорошо и всем мы довольны, но я ничего не мог вычтать, а что же думает и что представляет собою — и как политическая фигура, и как политическая программа — сам Атаман?**

Как новый Донской Атаман решает Казачий Вопрос?

— «» —

В том же номере «Т. Д.» помещены дальше как-бы корреспонденции или отчеты о пребывании Донского Атамана во Франции, в Праге и в Болгарии. — Будем искать и там ответов на волнующие нас вопросы, а прежде всего на вопрос главный: **что представляет собою (в смысле политическом) П. Х. Попов?**

Во Франции: «**Стойкая надпартийность П. Х. Попова**, как Донского Атамана, уже отразилась благоприятно на ходе работ созданного в Париже казачьего об'единения»...

В Праге. Чтобы облегчить себе разгадку политического лица нового Донского Атамана, надо привести содержание его речи, там сказанной, и содержание принятых бывшим там с'ездом решений.

Речь П. Х. Попова: «Собрание закончилось кратким и сильным словом Д. Атамана. Настойчиво и ярко он подчеркнул необходимость казачьего единения, как главного условия исполнения великой задачи казачества — **освобождения родных краев от красного ига**, — и затем — верности Основным Законам Войска, как главной базы казачьего единения: вне О. З. — партийный разброд мысли и бесплодное шатание совестей, полезные только нашим врагам. Когда атаман, повысив голос, твердо сказал: «Я требую об'единения!»... заал заржал от грома рукоплесканий и воисторга»....

Это — первое. Второе — суть принятых там решений, одобренных Атаманом. А суть эта прежде всего в резолюции такой (стр. 38):

«**Нет большего врага для казачества и всех народов России, нежели коммунистическая советская власть.** Поэтому казачество на борьбу с этим именно врагом, при первой к тому возможности, при всяких условиях и обстоятельствах, до войны, во время войны, если она случится, после войны, должно направить все силы и средства прежде всего на освобождение своих родных казачьих краев, вплоть до их государственной самостоятельности, как это уже было, — ради сохранения казачества, его свободы и права на жизнь».

По поводу этой резолюции там же, в «Т. Д.», читаем следующее:

«Вокруг этой резолюции и на самом с'езде, и после него, поднялся большой шум. На с'езде заявили себя **три оттенка казачьей политической мысли.** «Вольные» казаки настойчиво пытались ограничить план борьбы с большевиками только родными краями. Это течение было представлено группой в 5 человек (из 32 членов с'езда) разных оттенков этого направления. Другая группа, еще меньшая численно, тоже очень настойчиво пыталась внести в резолюцию идею о непримиримости российской территории... С'езд пошел по **средней линии**, диктовавшейся благоразумным пониманием ближайших задач казачества. Он принял резолюцию о борьбе прежде всего за освобождение родных краев, но не нашел возможным ни ограничивать рамки предстоящей борьбы только родными краями, ни принимать на себя обязательства, не вытекающие из смысла наших Основных Законов. Он отлично понимал, что освобождение России только казачьими силами — задача совершенно непосильная и неосуществимая. Поэтому-то за среднюю линию казачьей мысли голосовал весь казачий с'езд против двух при трех воздержавшихся... Перед закрытием с'езда Д. Атаман признал его работу **дружной, вдумчивой и плодотворной**.

ной, единой по своему казачьему духу, и пожелал окружному правлению успеха в его полезной работе... Так творится Д. Атаманом казачья сила, нужная для борьбы за благо Отчизны (какой?). Настает время: эта сила найдет отклик в родных краях и будет творить там чудо воскресения нашей измученной Родины»... (Какой?).

Речь Д. Атамана в Болгарии (см. стр. 42):

«Сколько, но четко и ясно Атаман дает свой ответ казакам. Нарисовав создавшуюся политическую обстановку, он говорит: «Радушная встреча со стороны казачества, какою вы почили меня сегодня на нашем семейном торжестве и мысли, вложенные в только что выслушанные мною приветствия, дают мне основание считать, что казачья масса в Болгарии, обединяющаяся на верности Донским Основным Законам, несокрушимо верна завету Дона, унесенному нами в Зарубежье. Этой завет — наша программа: наши родные края задыхаются в жестоких, беспощадных тисках изувечской власти; там терпят уже терпение и всякую надежду на спасение, — **как нужно освобождение наших родных краев от насильников и оккупантов, нам нужно спасение казачества.** Мы не имеем права медлить и тянуть дальше, доверяясь каким-то **призрачным обещаниям** и разным **утопическим теориям.** Мы должны включиться в назревающие события и протянуть руку помощи нашим измученным близким родным... И мы включимся! Это наш повелительный долг и наше право!... Я уверен, что этот **наш порыв будет потрясающий**, что он всколыхнет всю под'яремную Русь и она сбросит с себя рабские оковы III интернационала. Кто посмеет осуждать нас за такой порыв? Кто дерзнет бросить в нас камень? Меня не смущают глупые и злостные наветы, какими стараются очернить меня люди, утратившие честь и человеческое достоинство»...

Это и все программные, если так можно выразиться, заявления нового Донского Атамана.

— «» —

Я знаю, что на П. Х. Попова было много наветов со стороны противников малейшего проявления казаками самостоятельности в решении своих вопросов. Но я совсем не хочу записываться в их лагерь. Скажу больше: чем больше нападали на него русские неделимцы, тем большие симпатии наши были на его стороне. Но вот сейчас, читая его официальный печатный орган, вникая в суть им, Атаманом, сказанного, невольно спрашивашь себя: **за что и почему, собственно, недовольны им русские непримиримые противники казачьей самостоятельности?**

Что можно, в самом деле, сказать, к каким выводам можно придти, если внимательно вдуматься во все то, что новым Атаманом сказано? Слова его о Казачестве, конечно, горячее и искреннее, чем слова Граббе. Но и он говорит о Родине и об Отчизне, под которыми так легко узнати Россию. Значит, **двойственность продолжается...**

Я еще раз прошу не понять меня так, что я непременно ищу случая уколоть чем П. Х. Попова. Но я хочу откровенно поговорить по поводу им сказанного слова...

Вот во Франции сказали о нем, что он **«стойкий надпартийник».** Что, **собственно**, значит **«надпартийность»** и при чем здесь она в нашем случае, если **единственным** вопросом, серьезно делящим казаков на **«партий»**, является вопрос казачьей самостоятельности? Быть или не быть казакам **самостийниками?** Строить свое государство или оставаться в составе России? Других больших спорных вопросов у нас нет. Ведь если этот вопрос решим, по другим вопросам спорить долго не будем. **Быть в таком вопросе «надпартийным»**, это значит: **не иметь как раз в этом самом важном и самом существенном вопросе своего собственного мнения...** А между тем, как раз в этом вопросе и нужно не только рядовому казаку иметь свое мнение, но и Атаману...

Странные мы люди, казаки. Этс ведь только у нас «вожди» не обязаны иметь решений самых острых, самых животрепещущих вопросов, а решать их так, как прикажет кто-то третий...

«Надпартийный» может быть только глава государства уже существующего, как арбитр между раз-

личными партиями и течениями — в вопросах внутренней политики, внутреннего устройства государства. Но ведь у нас стоит вопрос о самом государстве: или — или.... И в этом случае нельзя уклониться под тем или иным предлогом от выбора одного из этих или!

Тем более такие вопросы могут нас тревожить, что «надпартийность» в данном случае не является в действительности даже абсолютно беспристрастной, а скорее благожелательной к «Родине» и «Отчизне»....

А если она была бы и беспристрастной, то, значит, какая-то из двух сторон — казачьи самостийники или казачьи руссофилы — оказалась бы вскоре обманутой.... Зачем же нам и до сих пор еще играть в жмурыки? Неужели не наигрались вдоволь в них в прошлом?

Вместо атаманской программы, нам преподносится ее «надпартийность». Будем говорить откровенно и называть вещи своими именами. Не желают ли защитники «надпартийности» в данном случае под ее защитой оставить себе свободные руки именно в программном отношении, чтобы иметь в будущем возможность повернуть туда, куда все время сбивались наши горе-вожди в прошлом?

Несколько слов о кратком и сильном слове Д. Атамана в Пряге.

Не знаю, может быть, это слово, когда оно говорилось, и произвело то сильное впечатление на слушателей, о каком пишут в «Т. Д.», но, правду сказать, в читке оно не производит никакого впечатления. Скажу больше: то же самое говорит и Граббе, и Науменко... Так же точно и на том же почти основании и они зовут к единению... Атаман потребовал об'единения. Но он ничего не сказал, зачем, ради каких политических целей (а нас сейчас только политические цели и интересуют) нам нужно об'единяться. Сначала надо сказать о цели об'единения. Иначе, можем уподобиться лебедю, раку и щуке, впряженным в один воз с «надпартийным» возницей...

Не так надо эти вопросы решать. А прежде всего — иначе ставить их, а именно: не будем об'единять лебедей с щуками. Пусть лебеди об'единяются между собой и летят туда, куда хотят. Пусть щуки об'единяются и тянут свой воз во воду. Пусть раки тянут свой воз назад. Пусть казачьи руссофилы (имею в виду неисправимых и безнадежных) плетутся чужими дорогами в хвосте русских партий, а казачьи самостийники пусть об'единяются, вытягивают казачий воз на казачью дорогу и тянут его к казачьей цели. Но, можно ли посадить возницу на такой казачий воз «надпартийного» кучера, которому, как «надпартийному», все равно куда — направо, налево, вперед или назад? — Кто, собственно, должен хорошо дорогу знать, — возница или те, кто впряжен в воз?

Остановим свое внимание и на резолюции, принятой на съезде в Праге.

Что касается большевиков и советской власти, то по таким вопросам споров между нами не было и не будет. Но вот, что касается цели борьбы с ними, то... тут как раз, на этом именно месте, были у нас большие разногласия в прошлом, есть они сейчас и, вероятно, будут. Пробовали мы в прошлом прятаться (чтобы не решать больших вопросов) за формулу «вперед до», но ничего, кроме беды и разочарований, такая страусовая политика нам не принесла. И потому в этом именно вопросе прежде всего должно быть все ясно, должно быть все сказано и договорено: ясно и определенно, искренно и откровенно. Чтобы никто не был обманут и чтобы мы сами себя не обманывали, не вводили друг друга в заблуждение.

И вот с этой точки зрения резолюция съезда, одобренная и Д. Атаманом, не может удовлетворить казачьих самостийников.

Участники съезда (в том числе и Д. Атаман) идут «вплоть до государственной самостоятельности». Формула эта совсем неясная и не определенная. Если они заявляют, что не остановятся и перед самостоятельностью, то это совсем не значит, что они не остановятся раньше. Могут дойти, могут не дойти — смотря по обстоятельствам. А если дойдут, то также это не будет значить, что там останутся... Словом, в этом наиболее важном и остром вопросе съезд, а с ним и ген. Попов, стали на позицию непредрешенную — опять таки

затем, чтобы в будущем иметь возможность свободного маневра в вопросе, который имеет решающее значение для всего будущего Казачества. Это — компромиссное решение между самостийниками и не самостийниками, т. е. — отсутствие решения, отдаление решения.

Но, не будем закрывать глаза: всякое неясное, всякое двусмысленное, всякое неопределенное решение в таком вопросе всегда выгоднее противникам казачьей государственной самостоятельности. Это — воля на их мельнице.

Какой-то «Маг» там же (см. стр. 38) подчеркивает, что «Съезд пошел по средней линии»... — «Средняя линия» в данном случае это даже не только непредрешенчество, это — движение вперед без цели, без большой исторической перспективы впереди... Или, повторяю, заранее обдуманное обеспечение возможности поворота в сторону — в зависимости от обстоятельств.

Многое раскрывает фраза о том, что «съезд отлично понимал, что освобождение России только казачими силами — задача совершенно непосильная»... Значит, если бы вопрос шел не только о казачими силах, если бы, положим, рядом с казачими силами стал какой либо Деникин номер 2, то тогда — разговор мог бы быть другой, можно было бы «помочь и России»... — Иначе, ведь, нельзя этого понимать.

Все это ген. Попов нашел «вдумчивой, дружной и плодотворной работой»...

Куда обеспечивается поворот со «средней линии», видно — и явственно видно — из той части речи ген. Попова в Софии, где он выражал уверенность, что казачий порыв «всколыхнет всю под'яремную Русь». Будем смотреть правде в глаза: если казачий порыв будет направлен в сторону казачьего национального освобождения, в сторону казачьей самостоятельности, то если Русь в этом случае всколыхнется, то совсем не так, как ожидали бы казачьи патриоты: всколыхнется она скорее не против III интернационала, а против Казачества. Если же ген. Попов попробует увлечь казаков на пути, на которые водили казаков в прошлом Войсковые Атаманы с ген. Деникиным, то... кто может поручиться, что может быть? Пробовали же один раз «белые» использовать казачий порыв на тех именно путях, но под'яремная Русь как раз и стала еще крепче тогда за III интернационал...

— » —

Я старался говорить без злобы и ненависти. Я не хочу пользоваться и русскими источниками, наговорившими о новом Донском Атамане всяких хороших и нехороших (больше сих последних) вещей. Я хотел по первоисточнику, по словам самого Атамана, доискаться ответа на вопрос: кто же он? какова его казачья программа? каковы его пути и «направления»?.. И, к большому своему смущению, я пришел к весьма неутешительным — с точки зрения чисто казачьей — результатам.

— А что же представляет собою официальный орган Донского Атамана «Тихий Дон»? Что представляет собою редактор его? — Ведь редактор этот назначен Атаманом и, значит, он ему именно доверил вести свою идеологическую работу в казачьей среде, ему доверили он души казачьи. Значит — они два (Атаман и редактор) — политические единомышленники! Проповедь «Т. Д.» — это проповедь А. Горчукова, а проповедь Горчукова в данном случае — проповедь самого Атамана.

Что же проповедует «Т. Д.»? Куда зовет он казаков, на какие «порывы»?

В первом номере (ном. 1-2, 11939) помещена большая статья редактора М. А. Горчукова подъ названием «Наши позиции и отношения» (на внутреннем и на внешнем фронтах), из которой или в которой можно при внимательном чтении многое вычитать.

Давайте попробуем это сделать.

В своей большой статье редактор «Т. Д.» бичует своих противников. Правду говоря, я бы к этому бичеванию не только присоединился, но и усилил бы его. Но не это сейчас меня занимает. Занимает меня сам бичующий, хочу знать я, кто он? Хочу по словам его «поймать» его и заглянуть в душу его, — потому что хочу знать, что от него мы можем ожидать, что может дать он казачьи мысли?

Начинает г. Горчуков с того, что «туда надо вернуться «со щитом», сохранив незыблемыми те заветы, которые мы унесли в изгнание и которые, как мы верим, обладают силой, способной возродить наши родные края к новой жизни». — Почти что и хорошо было бы сказать, если бы.... Если бы известно было, с каким «щитом», а главное — с какими заветами? Дело в том, что ушли-то мы оттуда с разными заветами и здесь еще никак не сговорились, что именно понимать под «заветами». Пока что, понимаем их каждый по своему. Не раскрыв содержания «щита» и заветов, говорить о них нельзя. И красивая начальная фраза г. Горчукова остается формой без содержания, фразой — не имеющей смысла.

Очень часто и у Атамана, и у г. Горчукова говорится о том, что «единственной базой, на которой мыслится возможным казачье об'единение, являются наши Основные Законы... Никакой иной основы для об'единения у казаков нет и быть не может».

Я думаю, что по вопросу об Основных Законах надо будет поговорить казакам особо, поговорить полно и исчерпывающе. Сейчас же я пока ограничусь немногим.

Прежде всего надо раз навсегда установить, что **не мы для закона, а закон для нас, казаков**. А кто говорит о законе, тот должен, рекомендуя его другим, исполнять его сам. Но, ведь, Основных Законов не исполняет сейчас никто и исполнить их нет никакой возможности, потому что они писались для другой обстановки, для жизни по ним в своем kraю, а не для жизни в изгнании, не для борьбы... Выборы Атамана были не по закону (и по закону произвести их было нельзя), выбранный Атаман до сих пор не исполнил ни одной статьи Закона... Принятая на пражском с'езде, при участии и одобрении Атамана **«средняя линия» является прямым противоречием Основному Закону...** Страгое исполнение О. З. отрезает Дон от других Казачьих Войск...

Как бы ни были святы законы, они пишутся не для того, чтобы мы ставили себе целью своей жизни сохранение их. В самом деле, что лучше сейчас: **сохранить закон и оставаться неподвижными хранителями его до смерти и с тем и умереть, или сделать все для спасения Казачества, если бы для того пришлось «нарушить» и закон, которого все равно никто не исполняет, а прежде всего те, которые говорят, что стоят на страже его?** Ведь, одним из первых и самых главных условий спасения Казачества является **об'единение не донцов или кубанцев, а об'единение казаков всех Войск и решение казачьего вопроса общими силами**. Если донцы хотят и будут участвовать в этом общеказачьем деле — **первом и единственном сейчас казачьем деле** — то они должны будут (теоретически, хотя) считать, что они нарушают тем свой Основной Закон. А если они предпочтут оставаться «чистыми» перед своим О. Законом, то должны будут отказаться от об'единения с другими казаками и оставаться только в пределах своих донских. Ибо **О. Закон не предусматривал ни проигрыша прошлой борьбы, ни оккупации Дона красными, ни борьбы за освобождение, ни соглашений с другими казаками, ни других сейчас важных вопросов**.

Больше того я скажу: Основные Законы были там, дома, у нас и, повидимому, исполнялись, но это не спасло нас. Значит, чего то нам тогда не хватало...

«**Вне О. З. — партийный разброр мысли и бесплодное шатание совестей**», — сказал Атаман в Праге. — Я думаю, что партийный разброр мысли и бесплодное шатание совестей не только вне О. З. Если хорошоенько вспомним прошлое, то увидим, что эти самые партийные разброры и шатание совестей начались и расцвели полным цветом еще там, в Новочеркасске среди тех, кто исполнял О. З. — среди и около В. Круга, среди и около Атамана. Там был настоящий разброр и шатание. А здесь — только слабые отголоски их....

И еще больше позволю себе сказать: исканье казачьего национального пути, исканье казачьего национального идеала в этой современной борьбе на жизнь и на смерть — ни в коем случае не является ни партийным разброром, ни шатанием совести, а вот **«средняя линия» — это как раз и является сохранением, так сказать, «узаконением» существующего, вынесенного**

из дому, разброда и шатания, которые так помогли нам там проиграть свое дело.... И если уж говорить о партийных разбродах, то под это определение скорее всего, например, подходит спор между ген. Поповым и ген. Граббе...

А. Горчуков уверяет, что Д. Атаман Попов «знает, что нужно казакам, что скрепит их единение, вернет им утерянное казачье лицо, спасет от распыления... Он не знает колебаний и сомнений. В своей позиции он тверд и непреклонен. От ней он не отступал и отступать не собирается, никогда и ни от кого ее не скрывал и никого на этот счет в заблуждение не вводил»... — Прежде всего хочу отметить, что г. Горчуков явно противоречит с П. Х. Поповым. Атаман на первых страницах «Т. Д.» слишком даже подчеркнул, что казаки и едини, и не распылены и лица своего казачьего как раз и не утеряли. Но вот находит «позиции»: при самых енинативных поисках, на страницах «Т. Д.» я позиции Д. Атамана не нашел. А. Горчуков слишком смело утверждает, что позиции своей П. Х. Попов и не скрывал. Поскольку я знаю, он по приезде в Европу действительно, не скрывая, заявил, что позиции своей еще не имеет и слово свое скажет, когда «приобщится» к казакам и узнает их чаяния (так что, если не скрывал, то нечего было скрывать). И я как раз боюсь того, чего не боится редактор «Т. Д.» — я боюсь, чтобы нас снова не ввели в заблуждение, боюсь нового обмана.

Или может быть, я не умею читать, может, кто другой эту его позицию разыскал? — тогда скажи, чтобы мы не ломали головы, не болели сердцем.

Пишу я это совсем не для углубления розни. Рознь (имею в виду рознь политическую) есть там, где есть непонимание, а непонимание есть там, где люди неясно выражаются, не говорят всего... Рознь есть там, где люди молятся разным богам... Рознь есть там, где люди исповедуют разные политические идеалы. И я думаю что, чтобы меньше было у нас розни, нам нужно прежде всего не затушевывать наши казачьи идеалы, а ярко их подчеркивать. Недоговаривали мы там, дома. К хорошему это не привело....

Розни не будет между нами только в том случае, если мы все об'единимся на одном ярком казачьем национальном идеале под одним всеказачьим национальным знаменем. — Не можем об'единиться около половинчатых, «средних» идеалов под туманного цвета знаменами...

— » —

Недоволен А. Горчуков «Последними Новостями» за то, что они «поместили без проверки **нелепую** телеграмму агентства Гавас», за то, что «опровержение Д. Атамана газета не напечатала, но заняла в его адрес **нелепую** позицию, как «постоянного самостийника»....

«П. Н.» оставим в стороне (кто из нас ими доволен?), но если утверждение, что новый Д. Атаман «постоянnyй самостийник» — утверждение нелепое, то значит он не **постоянnyй самостийник**. А если он не **постоянnyй самостийник**, то кто же он — вообще не **самостийник** или **самостийник не постоянnyй**? Значит старое наше знакомое «вперед до»? Но ведь и покойный Богаевский стоял на такой позиции да и Граббе не далеко ушел от этого... Зачем же говорить тогда о Попове, как о действительно новом Атамане? Выходит, что это просто **одно из новых изданий уже бывшего...**

Дальше возмущается г. Горчуков «Возрождением»: и возмущается резко, сердито:

«Много налагал о казаках Криштафович в «Возрождении»... Вслед за Маракуевым, Криштафович лжет о пражском казачьем с'езде, будто он состоял из «самостийников», лжет, будто с'езд принял враждебную Россию — советской, императорской и будущей возрожденной — резолюцию, лжет, будто Атаман учредил правительство из «вольных казаков», и т. д. без конца».... — Не знаю, кто из самостийников был на с'езде и был ли, но протест г. Горчукова против лжи г. Криштафовича является одновременно и **отмежеванием** — явным и открытым — **от казачьих самостийников**. Это ясно. И нечего некоторым «вольным казакам» вводить нас на этот счет в заблуждение.

— » —

Что касается «наших позиций и отношений на внешнем фронте», то г. Горчуков обещает высказать-

ся на эти темы подробнее в следующем номере. Пождем.

Но я думаю, что главные наши расхождения это наши казачьи «внутренние» расхождения. Если бы мы сами сошлись на какой либо определенной казачьей программе, вопросы о «позициях и отношениях на внешнем фронте» вызвали бы споров наименьше, а может быть, и совсем не вызвали бы. Враг у нас один и споров на эту тему между нами нет и не будет. А союзники? — На союзников надо научиться смотреть так же, как смотрят на них вообще все народы в плане международном... Казачьи национальные интересы определят нам потом союзников безошибочно.

Мне только кажется, что г. Горчуков до сих пор не может понять еще, что **самостоятельную** (т. е. независимую прежде всего от русских) **внешнюю политику можно вести только в том случае, если стать не на среднюю линию, а на единственную казачью национальную линию, на линию полной самостоятельности**. А не став на такую позицию, т. е. не став **полными самостоятельниками**, нельзя вести **самостоятельной внешней политики**. Никто всерьез разговаривать с **не самостоятельниками не будет**. Или — в действительности вопрос будет идти не об освобождении, а только о **перемене барина**....

—»—

Чем больше вчитываясь в «Тихий Дон», тем больше убеждаешься, что между ним и покойным «Родимым Краем» (Мельникова и Богаевского) разницы нет.

Вот, например, г. Горчуков, с болью в сердце, тоской и упреками по адресу русских людей, переадресовывает им, русским людям, вопрос: «Кто же делает из казаков самостоятельников? — с горечью спрашивают себя казаки, даже самые лояльные к России».... — А для доказательства, помещает ниже целую статью одного из таких лояльных — А. Г. Павлова — под заголовком «Казачьи обиды». Станичник Павлов возмущается, что русские люди таких казаков, как он, клеймят словом «самостоятельники» за одни лишь лампасы, за казачьи фуражки и чубы, за казачий говор и даже за манеру казака держать себя с достоинством и без раболепства,

за самостоятельные выборы Атамана и т. п. Для станичника А. Павлова слово «самостоятельность» — глупый ярлык, нелепый эпитет... Особенно возмущает его, что «теперь эти люди (т. е. русские люди) стараются **выжечь клеймо самостоятельника и на честном челе атамана Попова**»....

Ясно, конечно, что сам ст. Павлов — русский патриот, обиженный на русских людей, что они мешают ся в малые казачьи дела. Против вмешательства их в большие казачьи дела он не возражает, как не против он и того, чтобы казаки сами вмешивались в большие русские дела, вернее, служили только большим русским делам.

Все же, можно сделать вывод, что если бы член ген. Попова не было честным, то клеймо самостоятельника на нем, может быть, и удалось бы выжечь. Словом, выходит, что все казаки с честным челе — суть русские патриоты с большим размахом и проницательной дальновидностью, а те другие, у которых челе не честно, только те могут попасть в лагерь казачьих самостоятельников.... — Может быть, все это было бы и плохо для многих казаков, если бы «судья», изрекший такой приговор, не был таким пристрастным. В самом деле, что казачьим патриотам суд обижаемого русскими русского казака?

Правду, конечно, говорят Горчуков и Павлов, что многих казаков русские сделали самостоятельниками. Но это не вся правда. Сделали только тех, у кого спало до тех пор в сердце нечто родное, казачье. Ведь вот не могли же еще до сих пор те же русские сделать самостоятельников из Горчукова и Павлова!....

—»—

Письмо мое затянулось. Надо кончать. Выводы и заключения — ясные и без того. Что г. Горчуков (а значит, и «пославший» его к нам Атаман Попов, ибо Горчуков творит сейчас волю пославшего его) не **самостоятельный** — сомнений теперь уже не может быть никаких. Для него, ведь, фронт Милюков — Соловьевич — «Возрождение» — Абрамов — Граббе — Маракуев, Криштапович и Горчуков-Попов — все это **один фронт** и разногласия на этом фронте суть **разногласия внутренние**. Для казаков самостоятельников — это фронт **внешний**.

КОГДА ЖЕ ПРОЗРЕЮТ СЛЕПЫЕ КАЗАКИ?

Читатели «ВК» хорошо знают, как в начале 1920 года Казачество делало последнюю попытку спасти положение, созывая Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, поставив ребром вопрос об **объединении в одном казачьем союзном государстве под одной казачьей властью**...

И вот, в то время, когда Донской Войсковой Круг посыпал своих депутатов на первый казачий Верховный Круг решать судьбы Казачества, донской Атаман думал и делал в то время нечто иное. А что именно он думал и делал, можно прочитать о том у одного из бывших деникинских министров такой рассказ: «27 декабря (1919 г.) в Тихорецкой, где была Ставка, состоялось совещание под председательством ген. Деникина. Решена отставка (деникинского) правительства ген. Лукомского. Председателем правительства назначен донской атаман Богаевский. Расчитывают, что это усилит позицию Главного Командования и парализует происки собирающегося в Екатеринодаре в начале января казачьего Круга». (К. Н. Соколов. «Правление ген. Деникина», стр. 238).

Итак, попытка Казачества (после того, как ита часть его, какая верила перед тем ген. Деникину, перестали верить ему) взять свою судьбу в свои руки и попробовать спасти свое дело помимо и без проигравших уже свою борьбу «белых» русских генералов, для самого ген. Деникина и его ближайших сотрудников была всего лишь «происками», а «парализовать» такие казачьи «происки» назначен был и назначение такое принял донской атаман Богаевский. (Усиливал позиции Главного Командования и ослаблял позиции Казачьи!).

Как же могло Казачество выиграть, если во главе его стояли такие вот Богаевские?

Интересно отметить еще один штрих. Там же (стр. 241) тот же Соколов уже о самом Богаевском пишет: «Назначение ген. Богаевского снова подняло вопрос о создании Южно-Русской власти: казалось очевидным, что стоять во главе правительства только для неказачьих областей донскому атаману было бы бессмысленно и даже неприлично. Значит, надо было под правительство ген. Богаевского спешно подвести фундамент соглашения с казаками»...

Итак: если во главе правительства и для казачьих областей стоит русский, то это имеет смысл и даже прилично. Но если во главе такого правительства становится такой же русский патриот, но происхождения казачьего («лучший русский человек», по выражению г. Горчукова), то для русских людей это не имеет смысла и даже неприлично...

Почему до сих пор еще есть слепые казаки?

внутренние трения которого их, казачьих националистов, не касаются... Для казачьих патриотов внутренний фронт — фронт только казачий.

Когда думаешь обо всем прочитанном в «Т. Д.», приходишь к убеждению, что писали там люди **половинчатые** (или просто слабые политические мыслители?). Половинчатыми они были там, распинаясь за Россию и Казачество, такими же остались и до сих пор. Переменятся ли? Да и нужно ли хотеть, чтобы переменились?

Боюсь нового обмана. Ну, а вы, братья казаки, ждавшие так долго атаманского слова и, наконец, дождавшиеся его, как думаете? Не кажется ли вам, что слишком частое подчеркивание и ссылки на Основные Законы — всего лишь замаскированное старое «не занимайтесь политикой», дескать — в Основных Законах все предусмотрено?

Прочитав «Т. Д.», я все же считаю, что **Донской Атаман не высказался ясно в такой степени, как этого ожидали от него казаки.** Но почему же не высказался? — Нечего сказать, или не хочет сказать или не считает возможным сказать? Понимаю еще, что можно таить тактику, но никак уж нельзя скрывать свою программу. В таком случае скрывают ее только тогда, когда ее не имеют.

Несколько раз повторяется в новом атаманском

официозе, что пришел, наконец, «вождь, который знает, что говорит и куда ведет Казачество». — Может быть, он и знает. Но ведь должны же знать и те, кого он ведет.

Еще раз прошу не считать, что всем этим я хотел непременно сказать нечто плохое о П. Х. Попове. Сам он, прия и все увидев, выдал нам очень хороший аттестат (примите его похвалы казакам). По существу же выходит, что **пришел он на готовое.** А что, если испортит он хотя бы то, что есть? (А если то, что есть, не так хорошо, то зачем было так хвалить? Что мы — дети?)...

Я кончил. Но еще одна просьба. Так, как здесь написано, думаю не один. Приблизительно так рассуждают теперь многие те казаки, которые за годы изгнания научились думать, и потому, вместо моей фамилии (что скажет кому такое имя, как Андрей Пант. Рубашкин?), прошу поставить подпись:

Неизвестный живой донской казак.

П. С. От редакции: Письмо это немного исправлено и обработано. Исправлена «грамматика», исправлена грамотность, обработан немного стиль, но суть содержания письма оставлена нетронутой.

Донской министр пропаганды лучший русский человек

Вышел в свет № 1-2 официального органа Донского Атамана ген. Попова «Тихий Дон». Редактором его назначен г. М. А. Горчуков. Роль редактора официального органа в наших условиях — роль **министра пропаганды**, роль **формулировщика идей и программы**, роль **формовщика казачьих душ...**

Кто же предназначен ген. Поповым овладеть казачьими сердцами и умами? кто такой Мирон А. Горчуков?

Ответив на такой вопрос, будем лучше знать и кто такой сам ген. П. Х. Попов, ибо назначить на такую ответственную (сейчас, может быть, самую ответственную!) работу он мог только **своего единомышленника**, своего **политического единоверца**.

Лучше всего ответить на вопрос: кто такой Горчуков? — словами (исповедью) самого же Горчукова. Убеждения и взгляды на казаков и казачий вопрос изложены им в его статье «Казаки — лучшие русские люди», напечатанной в «Пути Казачества» (см. номер 23 (116), 31 января 1928 г. Прага), издававшимся под редакцией В. А. Харламова. Судя по содержанию первого номера «Т. Д.», г. Горчуков не изменился с тех пор и, вероятно, он не будет на нас в большой претензии за такое наше подтверждение постоянства его убеждений.

Словом, для ясности дела, в дополнение к печатаемому выше письму «Неизвестного живого донского казака», мы перепечатываем ниже из «П. К.» статью Горчукова целиком. Это даст возможность казакам сразу же осветить самим себе много неясных еще вопросов, что касается политических позиций ген. П. Х. Попова. (По содержанию этой статьи мы поговорим в другой раз, а сейчас только сообщаем, что все подчеркивания в ней сделаны нами).

Итак, вот Горчуковская статья «Казаки — лучшие русские люди»:

«Казаки никогда не знали рабства: они никогда никого не угнетали, и сами никогда не знали над собой рабьего гнета. Отсюда — их первое и главное достоинство: чувство внутренней **свободы**. Вместе с тем, органической чертой казака всегда была присущая ему любовь к **порядку**. Гармоническое сочетание этих двух начал (свободы и порядка) всегда делало из казаков самую верную опору, самый надежный оплот здоровой государственности. Жизнь и внутренние отношения казачества всегда утверждались на здоровых демократических основаниях. Казаку всегда было ясно, что «где нет равенства, там нет справедливости; где

нет справедливости, — там нет нравственности» (слова Крапоткина*). Эти именно начала всегда лежали в основании строительства казачьей жизни.

Казак законно и справедливо гордился собой, — и эта гордость основана не на внешних данных, не на интересе, не на крови, — а на трезвом чувстве собственного достоинства. «Голос крови», лежащий в основании всякого национализма, совершенно чужд казачеству; его понимание своего достоинства выше: оно утверждается на основании высшего порядка (какого? Ред. «ВК»). Этим именно об'ясняется поразительная сила ассимиляции, претворяющей национальную пестроту в однородную казачью массу. Характерная черта — казачьи фамилии; они как будто напоминают старые слова поэта: «Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний»: Поляковы, Персидковы, Грековы, Туркины, Грузиновы, Черкесовы, Жидковы, Татаркины, Калмыковы (как и просто самые калмыки), — и все это самые настоящие, «кровные» казаки, лишь в фамилиях сохранившие память о пестроте крови, об'единенной и переплавленной казачьей средой...

Указанные черты казачьего духа дают картину глубокого расхождения казачества с основными чертами общерусских нравов и отношений. Там, к сожалению, жизнь всегда строилась на началах социального неравенства, на сословной или классовой основе. Отсутствие равенства вносило разрушительную болезнь в жизнь русского духа, воспитывая в одних — рабство, жадно ждущее лишь «реванша», а в других — привычку к бесконтрольной власти, к произволу, — и обязательно «Божией милостью», — за отсутствием других оснований. Отсюда — **вечная взаимная вражда** — борьба между владеющими и подвластными, между властью и народом, или, пока народ еще не научился понимать себя, — с передовым обществом.

И любопытно, что эта борьба за власть — против народа — всегда велась в России от имени народа же. Так было в 19 веке, когда с легкой руки Карамзина, николаевская эпоха построила знаменитую политическую «теорию официальной народности»: именно николаевское самодержавие впервые написало на своем знамени лозунг «народности», но истолковало ее в том смысле, что — де народность (политической систе-

* Крапоткин — это русский князь, один из недавних лидеров и теоретиков международного анархизма. Ред. «ВК».

мы) именно и заключается в самодержавии и православии, которые были политическими твердынями николаевской эпохи. Лозунг «народности» оказался фактически пустым словом, фальшивой вывеской. После царского самодержавия пришло красное самодержавие «пролетариата»: диктатура пролетариата опять действует от имени народа («трудового» — рабочих и крестьян), у которого опять не спросили его мнения о новой системе власти, сделав из диктатуры пролетариата диктатуру над пролетариатом. Получилась лишь новая вариация старой теории «официальной народности». Новая власть, как и старая, опирается не на народ, а на свою силу (а что же такое эта «сила»? Ред. «ВК»). Разница оказалась чисто количественная, а не качественная. Народ по-прежнему остается на ролях **«великого статиста истории»**, от имени которого действуют самозванные диктаторы. И по-прежнему народ остается в страдальческом положении, только в безмерно более тяжелом: прежняя власть успела приобрести хоть культурные формы управления, — новая — совсем распоясалась и обнаружилась... «Народ — безмозглив» пока, но историческая очередь за его словом.

Там, где никогда не было должной правды в отношениях к собственному, родному народу, — конечно, не могло ее быть и в отношении казачества.

Власть всегда охотно пользовалась врожденной любовью казаков к порядку, для укрепления своей самодержавной позиции по отношению к народу. Эта политика власти всегда была **«превентивной»** для казаков, потому что во имя «порядка» их заставляли «работать» против свободы народа, и тем внушали той стороне чувства взаимного недоверия и ненависти.

Пользуясь казаками для таких целей, власть готова была делать некоторые невинные **«поблажки»** (! Ред. «ВК») казачьей свободе, как «привилегии» (это была не привилегия, а законное право), — а в сущности едва ее (свободу) терпела, с трудом скрывая, а иногда и не скрывая, своей самодержавной природы. **Казачьи «вольности», в сущности, оставались только словами в манифестах и жалованных грамотах.**

Но казаки, хотя и урезанные в своих гражданских вольностях, — все таки не знали рабства, — а условия их быта и нравов утверждали их в исконное чувство **«внутренней свободы»**. Этим определилась их политическая роль в момент появления красной диктатуры. Казачьей душе эта система гоного насилия-ничества власти была, конечно, органически противна, — и потому понятно, что казаки единодушно воспротивились новому, уже совсем наглому, насилию. И казачья душа никогда не примирится с ним, потому что оно органически противно его свободной природе...

Казаки всегда чувствовали, — лучше чем сам забытый рабством русский народ, — чего ему не достает для блага жизни, — в чем его историческая обида (? Ред. «ВК»), — и всегда готовы были помочь ему в беде, в его борьбе с крепостным насилием, раздавшим народную душу. Им казалось (и это было верно), — что лучший способ вывести русский народ из под ига рабства — это дать всей России казачьи вольности. Этим вдохновлялись движения Разина и Пугачева, — и народная масса чуточку улавливала в бунтах этих казачьих атаманов зорю своей свободы. Не даром русский народ славит Стеньку Разина в известной песне, сделав из нее нечто вроде русского гимна.

Казачья свобода, конечно, остается для русского народа идеалом и для сегодня, потому что только на исторических казачьих началах свободы и порядка и может прочно укрепиться здоровая государственность общероссийская.

Но сейчас — это пока еще мечта. Над русским народом сейчас проделывается новый страшный опыт, по существу — углубляющий исторические раны русской народной души: он внедряет в нее чувство рабьей зависимости от чужой, враждебной воли, — то чувство, на котором, по его природе, нельзя построить никакой государственности, — потому что самый гнилой порядок тот, который построен на палке, защищающей народное бесправие. Поэтому миссия казачества остается пока в силе: самым фактом своего существования, всей природой своего духа — свободного и вместе любящего порядок и закон, его обеспечивающий, — казачество остается своего рода показа-

тельный полем разумной государственности, ее живой школой наглядного обучения.

Этой роли у казачества не отнимет никто: не отняло ее царское самодержавие, не отняли и красные диктаторы, которые, кстати сказать, уже вынуждены пойти по старому пути «поблажек» казачьей свободе. Тем более не отнимет ее русский народ, когда к нему перейдет наконец вся полнота принадлежащей ему власти. Наконец, этой **«культурно-исторической роли казачества»** не отнимут у него и унизят в наших глазах те — увы, многие недруги его из русских людей, которые, из **«ложного самолюбия»**, никак не могутставить себя признать историческую и политическую ценность казачества и которых часто хватает лишь на столь же высокомерную, как и наивную усмешечку в адрес **«мнимых претензий»** казачества. Печально это **«легкомыслие»**, за каким бы логическим или политическим укрытием оно не пряталось: горькое доказательство, что подобные «судьи» казачества не слишком далеко ушли от тех, кто свою роль понимал прежде и понимает ее теперь, как роль владык — самодержцев (разных лишь цветов и вывесок). Очевидно, у кого в крови, в природе, в традиции — **«насилие»**, того не убедишь ни в справедливости, ни в долгом уважении, ни в благодарности. **Что же делать, если не хватает разума и мудрости?** Это — дар Божий: его из одной головы в другую хирургически не пересадишь и на базаре за деньги не купишь... Надо думать и верить, что у русского народа в целом найдется больше, чем у наших чиновных, стародворянских, а иногда и ученых умников и политиков, — и справедливости, и уважения, и благодарности. (А если не найдется — тогда что? Ред. «ВК»).

Теперь несколько слов о **«перспективах»** казачества.

Его внешняя историческая роль — быть колонизатором или оплотом государственных окраин — **«кончается»**. Казаки, по крайней мере, Донские, Кубанские и Терские живут уже не на окраине, а в Российской доме, внутри его. Культурно-историческая миссия казачества, как живого образца государственности, основанной на свободе и порядке, должна окончиться в тот момент, когда весь русский народ получит жизнь, основанную на этих же началах. Но, конечно, эти начали в условиях внутренней казачьей жизни, в организации быта, в характере нравов, в складе всего духовного облика казачества должны остаться неизменными, потому что лучших строительных начал в жизни не существует.

Но при всем том — остается вопрос: что же казачеству делать дальше, каким путем идти?

Возможно двоякое разрешение этого вопроса: можно мыслить казачество, как оно есть сейчас, **«внутри великого Российского дома»**, — с законно гарантированной политической и культурно-экономической самобытностью, — но возможно, как показывают некоторые современные течения мысли в казачьей среде, — представлять себе казачество и как живущее совершенно своим домом («самостийное» течение).

Правду сказать, на последнем варианте казачьих перспектив не хочется и останавливаться, — так мало в нем политической серьезности. Эти планы — достояние тех голов, про которых еще Пушкин сказал, что для них «и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка». На современном языке такие герои называются просто **«авантюристами»**. Стоит ли серьезно считаться с фантазией таких забытенных головушек? Всякий, кто претендует на большие политические роли, должен обладать одним непременным качеством: уметь предвидеть, что **«выйдет из намеченных планов и мероприятий»**. Без этого условия в большую политику можно забираться или по недоразумению, от которого, конечно, никто не застрахован, — или за недостатком совести, которая не ставит препятствий любой игре чужими головами... Пусть идеологи казачьей самостийности ответят на вопрос: как они думают заставить **«Россию выделить их на свое суверенное хозяйство»**, или как они думают удержать это хозяйство за собой, если Россия не захочет этого выделения, которое было бы для нее лишней петлей на горле? Новорожденные самостийные казачьи поэты уже звенят воинственными струнами, воспевая бранную красоту новой жизни казачества. В полученном только что номере «Вольного Казачества» мы читаем на первой

странице такие строки поэтического дуэта (стихотворение Колесова-Гончарова):

Мы хлебаем горстью огневую кашу,
Из небесной пряжи носим зипуны,
Пьем хмельное зелье солнечную чашей,
Ал лампас — из радуг крадем на штаны...

Для поэзии все это хорошо: ярко, сочно, звонко... Но, увы, **политика не поэзия**. Ее голова **трезва**, и потому ей ясно, что «огневой кашей» можно обжечься, что из «небесной пряжи» зипунов не сошьешь, и что надежды на «солнечные чаши» да на «радуги» — напрасны: в «солнечной чаше» хмлю не бывает, а с одной радугой не только без лампасов, но и без штанов останешься. Для поэзии, все эти высокие слова и яркие краски, может быть, и на месте, а для политики это только вредное и опасное **пустословие**.

Но в смысле **тактическом** постановка «самостийного» вопроса, может быть, и **могла бы иметь свое значение**: в той политической игре — борьбе, которая возникнет немедленно **после падения советской власти**, может быть, действительно, **более полезно предъявить «счета» с запросом**, чтобы было что **скинуть** в процессе торга с будущей российской властью: ведь **неизвестно, какая она будет**, а по историческому опыту — от нее трудно ожидать **должной об'ективности и справедливости к казачеству**. Этого, действительно, нельзя упускать из внимания, — потому что историческая традиция общероссийской власти — в том, чтобы требовать одного: **«прилежания и усердного служения»**. Этого требовал шеф жандармов Бенкендорф (при Николае I), этого требуют и большевики. Этого **потребуют, надо думать и будущие общероссийские власти**. Поэтому, кто **сумеет получить больше законных прав**, тот будет **оправдан историей**. Но надо помнить одно: что **этих прав казачество добьется только за «круглым столом» совета, а не на поле брани**. То, что потеряло бы оно на этом кровавом поле, — было бы потеряно на века.

Нет, не в этом направлении должна идти казачья мысль в своих исканиях. Есть направление другое, более плодотворное и достойное казачьей истории и казачьего духа.

Героический период казачества, период борьбы за землю, право и свободу, **кончается**. На этих путях остается только **романтика исторических воспоминаний, песен и преданий**, — конечно, богатых своею красотою и силою благородных внушений, — но все-таки

припадлежащих прошлому, а не настоящему. Однако, остаются в целости огромные, воспитанные героической историей силы **казачьего духа**, укрепленные ве-ковой борьбой и облагороженные честным служением на славном посту.... Эти силы — наше богатство; они и дальше не должны слабеть и нинуть; они должны получить лишь **новое направление**, достойное казачьего духа и казачьей истории. Этим направлением должен быть признан единственно **путь просвещения: наука и культура**. Есть что-то символическое и трогательное в том, что наш Новочеркасск по количеству учащихся всех рангов (около 20.000 на 70.000 населения) был первым городом в Европе (в процентном отношении). Еще удивительней то, что то же, в общем, процентное отношение остается в Новочеркасске и сейчас, если не обманывают случайно встреченные в печати цифры... Мы понимаем, какая стихийная **жажда света** охватила народ в последнее время нашей жизни на родине, — как школами — низшими, средними и высшими положительно засеялся, как поле зерном, наш «родимый край».... Народ инстинктом угадал **единственный путь**, куда должны быть направлены силы казачества, **освобождающиеся с завершением его исторической миссии**.... Нужно лишь **разумное направление этого разумного стремления**, — чтобы укрепление и расцвет культурных сил казачьих обеспечил наибольшую степень процветания, — и духовного и материального — родного народа... Надо близко знать богатые возможности, какие таятся в огромных запасах духовных сил казака, чтобы сказать с уверенностью, что **те успехи, достижения и завоевания, которые он осуществит здесь, безусловно сохранят за ним заслуженное право считать себя лучшим русским человеком**.

Но казак должен копить и умножать свои духовные силы не только потому, что это его **нравственный долг перед собой**, своим достоинством и своим прошлым: этот долг повелительно диктуется ему и новой складывающейся исторической обстановкой. Промышленный пульс страны заметно перемещается сейчас на юг, в наши края. Ростов становится **сердцем юга России**. В недалеком будущем нашему краю предстоит грандиозная роль производителя и **резерватора** огромных промышленных ценностей, технических и всяких других трудовых сил. Ясно, что **хозяином края** будет тот, в чьих руках будет сосредоточена сила, регулирующая этот могучий, пульсирующий центр жизни. **Формальное право казака**, как «хозяина» края, легко будет **обойдено** силой промышленно-экономической стихии, заправляющей фактически и политикой и вся-

Борьба народов за свое освобождение и государственную самостоятельность кончается всегда успехом. Не было еще в истории случая, чтобы народ, национально себя осознавший; решивший, что он национально не умрет; не пожелавший сходить с исторической сцены и начавший активную — духовную и физическую — борьбу за свое национальное освобождение и государственную самостоятельность, — чтобы такой народ борьбы не выиграл и цели своей не достиг. Вопрос сводился всегда ко времени, степени подготовленности к осуществлению своих политических и государственных идеалов народа борющегося, и к использованию им надлежащего момента в истории своего поработителя — использованию ситуации, когда и для народа-господина приходят тяжелые времена и трудные испытания.

Только изредка поднявший борьбу за свое освобождение народ осуществлял свой национальный идеал в результате непосредственного единоборства со своим завоевателем.

(Но даже и проигранная в таком поединке борьба не пропадала даром для народа, ее начавшего. Проигрыш физический **возмещался** часто моральным выигрышем во вне и ростом национального самосознания в среде борющегося).

Гораздо чаще народы освобождаются, когда их поработители терпят неудачи в международных столкновениях или когда ослабляют свои силы внутренними неурядицами... Так освободились некоторые народы из под власти России в 1918—1919 годах.

Естественно поэтому, что и те народы современной СССР, которые еще не освободились, но которые за свое освобождение борются (т. е. те, которые решили национально сохраниться, в русском море не растворяться и с оккупацией Москвы не мириться), — естественно, что эти народы кроме своих собственных сил, возлагают свои надежды и на международную обстановку, ожидая, что таковая — с войной или без войны — сложится не в пользу московских оккупантов.

Не будем скрывать, что мы тоже ждем трудных времен оккупантов Казачьих Земель — не только внутри их царства, но и вне его....

(«ВК», № 142, 10 декабря 1933 г.).

кими «правами», — если казак не сумеет подойти к делу не с бумажным «правом», а с промышленной инициативой и техническим знанием.

Отсюда — новая задача. Подготовка и накопление культурных кадров из казачьей среды должно иметь своей конечной целью — сосредоточение и использование их — по возможности — в пределах родного края, на его благо! Этим будет предотвращено горестное явление нашего недавнего прошлого, когда Дон, вообще богатый источник культурных и технических сил, — как общее правило, — терял эти силы для собственного культурного и промышленного хозяйства. Этого печального отрыва от Дона его сынов впредь — по возможности — не должно быть: ведь прямо необъятна емкость культурных, хозяйственно-промышленных и технических нужд, которые откроются перед краем в ближайшем будущем....

Надо помнить о необходимости отхода на новые позиции. Надо, чтобы эти позиции были заранее подго-

товлены. Надо суметь стать не бумажным, а реальным хозяином жизни края. Это возможно только на новом пути.

Вне этого пути — казачеству нет жизни и спасения. С одними лампасами и пикой оно останется только чужим слугой, или — в лучшем случае — исторической декорацией. Его уделом будет только задворки жизни. Единственным утешением для него останется в таком случае только романтика воспоминаний о бывлом величии и славе, — но это было величие будет лишь фоном, на котором тем ярче будет оттеняться убожество культурного и материального упадка. От сего — храни нас, Боже.

Итак, *vivat, crescat, floreat**), казачество на новых путях культурного труда и преуспеяния, и да сохранит его судьба и на этих путях — на прежних ролях лучшего украшения семьи российских народов».

*) Да живет, растет и процветает. Ред. «ВК.».

Москва и первые московские князья

О возникновении города Москвы и о первых московских князьях проф. В. Ключевский рассказывает так (см. II-ю часть его Курса, лекции 21 и 22):

«Летопись выводит Москву в числе новых городков Ростовской земли, возникших в княжение Юрия Долгорукого. Любопытно, что городок этот впервые является в летописном рассказе со значением пограничного пункта между северным Сузdalским и южным Чернигово-северским краем. Сюда в 1147 году Юрий Долгорукий пригласил на свидание своего союзника князя Новгород-северского Святослава Ольговича.... Повидимому, поселок был тогда сельской княжеской усадьбой или, точнее, стационарным двором, где сузdalский князь останавливался при своих поездках на киевский юг и обратно.... В 1156 г., по летописи, князь Ю. Долгорукий «заложил град Москву» пониже устья Неглинной, т. е. окружил свой московорецкий двор деревянными стенами и превратил его в город. Это был московский Кремль в первоначальном своем очертании....

Город возник на перепутье между днепровским югом и верхневолжским севером. С тем же значением пограничного городка Сузdalской земли является Москва и в дальнейших летописных известиях....

С временем возникновения и с географическим положением Москвы тесно связана и ее дальнейшая политическая судьба. Как городок новый и далекий от сузdalских центров Ростова и Владимира, Москва позднее других сузdalских городов могла стать столичным городом особого княжества и притом должна была достаться младшему князю.... Действительно, в продолжение большей части XIII в. в Москве не заметно постоянного княжения: князья появлялись в Москве лишь на короткое время и все это были младшие сыновья своих отцов.... Наконец, уже в поколении правнуоков Всеволода III, по смерти Александра Невского (1263 г.) в Москве является младший и малолетний сын его Даниил. С тех пор Москва становится столичным городом особого княжества с постоянным князем: Даниил стал родоначальником московского княжеского дома.

Таковы ранние известия о Москве. По ним трудно было бы угадать ее дальнейшую политическую судьбу. Ее судьба представлялась неожиданной и дальнейшим поколениям северорусского общества. Задавая себе вопрос, каким образом Москва так быстро поднялась и стала политическим центром северо-восточной Руси, дрезнерусское общество затруднялось найти ответ: быстрый политический подъем Москвы и ему казался исторической загадкой....

Географическое положение города Москвы было особенно выгодно.... Город Москва возник в пункте пересечения трех дорог. Из такого географического положения проистекли важные экономические выгоды для города и его края....

Москву можно считать, если не географическим,

то этнографическим центром Руси, как эта Русь размещена была в XIV в. Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних врагов....

— «» —

Как город новый и окраинный, Москва досталась одной из младших линий всеволодова племени. Поэтому московский князь не мог питать надежды дождаться старшинства и по очереди занять старший велико-княжеский стол. Чувствуя себя бесправным, точнее, обездоленным среди родичей и не имея опоры в обычаях и преданиях старины, он должен был обеспечивать свое положение иными средствами, независимо от родословных отношений, от очереди старшинства. Благодаря тому, московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаям, раньше и решительно других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями. Это обнаруживается как в их отношениях к другим князьям, так и в ведении ими внутренних дел своего княжества. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно выслушивают, что лежит плохо, и прибирают к рукам. Первые московские князья выступают смелыми хищниками (далее идет перечисление случаев такого хищничества. Ред.)....

...Условий (быстрого роста Московского княжества) было два: географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Первое условие сопровождалось выгодами экономическими, которые давали в руки московскому князю обильные материальные средства, а второе условие указывало ему, как всегда выгоднее пустить в оборот эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях, а на искусном пользовании текущей минутой. Располагая такими средствами и держась такой политики, московские князья в XIV и в первой половине XV в. умели добиться очень важных политических успехов....

...Можно различить пять главных способов, которыми пользовались московские князья для расширения своего княжества: это была скупка, захват вооружений, захват дипломатический с помощью Орды, служебный договор с удельным князем и расселение из московских владений за Волгу....

Пользуясь своими средствами и расчетливой фамильной политикой, московские князья в XIV веке постепенно сами выступали из положения бесправных удельных князей. Младшие, но богатые, эти князья предприняли смелую борьбу со старшими родичами за велико-княжеский стол.

Главными их соперниками были князья тверские, старшие их родичи. Действуя во имя силы, а не права,

московские князья долго не имели успеха. Князь Юрий московский оспаривал великое княжение у своего двоюродного дяди Михаила тверского и погубил в Орде своего соперника, но потом сам сложил там свою голову, убитый сыном Михаила. Однако, окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторон были неравны. На стороне тверских князей были право старшинства и личные доблести, средства юридические и нравственные. На стороне московских были деньги и **умение пользоваться обстоятельствами**, средства материальные и практические, а тогда Русь переживала время, когда последние средства были действительнее первых.

Князья тверские никак не могли понять истинного положения дел и в начале XIV в. все еще считали возможной борьбу с татарами. Другой сын Михаила тверского, Александр, призывал свою братию, русских князей, «друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться им, оборонять Русскую землю и всех православных христиан». Так отвечал он на увещание русских князей покориться татарам, когда изгнаник укрывался в Пскове после того, как в 1327 г., не вытерпев татарских насилий, он со всем городом Тверью поднялся на татар и истребил находившееся тогда в Твери татарское посольство.

Московские князья иначе смотрели на положение дел. Они пока вовсе не думали о борьбе с татарами. Видя, что на Орду гораздо выгоднее действовать «смиренной мудростью», т. е. угодничеством и деньгами, чем оружием, они усердно **ухаживали за ханом** и следили его орудием своих замыслов. Никто из князей чаще Калиты не ездил на поклон к хану, и там он был всегда желанным гостем, потому что приезжал туда не с пустыми руками. В Орде привыкли уже думать, что, когда приедет московский князь, будет «многое золото и сребро» и у великого хана-царя, и у его ханши, и у всех именитых мурз Золотой Орды. Благодаря тому, что московский князь, по генеалогии младший среди своей братии, добился **старшего великокняжеского стола**. Хан поручил Калите наказать тверского князя за восстание. Тот исправно исполнил поручение: под его предводительством татары разорили Тверское княжество «и просто рещи, — добавляет летопись, — всю землю Русскую положиша пусту», не тронув, конечно, Москвы. В награду за это Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол, который с тех пор уже не выходил из-под московского князя...

—«»—

Самым важным успехом московского князя было то, что он приобрел своему столичному городу значение церковной столицы Руси....

Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической....»

(Лекция XXI).

—«»—

Интересен взгляд проф. Ключевского на **влияние татарского ига** (лекция XXII):

«Прежде всего татары стали в отношение к порабощенной ими Руси, устранившее или облегчавшее многие затруднения, какия создавали себе и своей стране северорусские князья. Ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок там действовавший. Да и трудно было вникнуть в него, потому что в отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка. С этой стороны верхневолжские Всеволодовичи стояли гораздо ниже своих предков, днепровских Ярославичей. У тех мелькали в голове хоть шаткие идеи старшинства и земского долга; эти идеи иногда направляли их отношения и сообщали им хотя бы тень права. Всеволодовичи XIII в. в большинстве плохо помнили старое родовое и земское предание и еще меньше чтили его, были свободны от чувства родства и общественного долга. Юрий московский в Орде возмущил даже татар своим родственным бесчувствием при виде изуродованного трупа Михаила тверского, валявшегося нагим у палатки. В опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам **самосохранения** и **захвата**.

Только образ Александра Невского несколько прикрыл ужас **одичания и братского озлобления**, слишком часто прорывавшегося в среде русских правителей, родных или двоюродных братьев, дядей и племянников. Если бы они были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечные враждующие между собою **удельные лоскуты**.

Княжества тогдашней северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улусы» татар; их князья звались **холопами** «вольного царя», как величали у нас ордынского хана. Власть этого хана давала хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей. Правда, и в волжском Сарае напрасно было искать права. Великокняжеский владимирский стол был там предметом торга и переторжки; покупной ханский ярлык покрывал всякую неправду. Но обижаемый не всегда тотчас хватался за оружие, а ехал искать защиты у хана и не всегда безуспешно. Гроза ханского гнева сдерживала забияк; милостью, т. е. произволом, хана не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана были грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния. **Всех удачнее пользовались этим батогом великие князья московские против своей братии....**

—«»—

О характере московских князей:

Часто дают преобладающее значение в ходе возрождения Московского княжества личным качествам его князей... Нет надобности преувеличивать это значение, считать политическое и национальное могущество Московского княжества исключительно делом его князей, созданием их личного творчества, их талантов. Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преимущественно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Дмитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III, как две капли воды, похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий. В их деятельности заметны некоторые индивидуальные особенности, но они обясняются различием возраста князей или исключительными внешними обстоятельствами... Следя за преемственной сменой московских князей, можем уловить в их обликах только типические фамильные черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорее манекенами; он рассматривает в каждом его позу, его костюм, но лица их мало что говорят зрителю.

Прежде всего, московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой **посредственностью** — не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большое Гнездо вообще не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением одного разве Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков, как геройического, так и нравственного величия. Во-первых, это очень мирные люди; они неохотно вступают в битвы, а вступая в них, чаще проигрывают их; они умеют отсиживаться от неприятеля за дубовыми, а с Дмитрием Донским — за каменными стенами московского Кремля, но еще охотнее при нападении врага уезжают в Переяславль или куданибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя в Москве для ее защиты владыку митрополита да жену с детьми. Не блестят ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями.... Это — средние люди древней Руси, как бы сказать, больше хронологические знаки, чем исторические лица....

Но, не блестя особыми доблестями, эти князья совмещали в себе многое менее дорогих, но более до-

ходных качеств, отличались обилием дарований, какими обыкновенно наделяются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живут друг с другом. Они крепко держатся завета отцов: «жити за один».... Потом московские князья очень почтительные сыновья: они свято почитают память и завет своих родителей. Поэтому среди них рано складывается наследственный запас понятий, привычек и приемов княжения, образуется фамильный обычай отцовское и дедовское пре-дание, которое заменяло им личный разум, как нам школьная выучка нередко заменяет самодеятельность мысли....

У каждого времени свои герои, ему подходящие, а XIII и XIV вв. были порой всеобщего упадка на Руси, временем узких чувств и мелких интересов, мелких ничтожных характеров. Среди внешних и внутренних бедствий люди становились робки и малодушны, впадали в уныние, покидали высокие помыслы и стремления. В летописи XIII—XIV вв. не ульзывали прежних речей о Русской земле, о необходимости оберегать ее от поганых, о том, что не сходило с языка южнорусских князей и летописцев XI—XII вв. Люди замыкались в кругу своих частных интересов и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счет других... Московские князья по своему генеалогическому

значению были наиболее бесправные, приниженные князья, а условия их экономического положения давали им обильные средства действовать во имя личной выгоды. Потому они лучше других умели приоровать к характеру и условиям своего времени и решительнее стали действовать ради личного интереса. С ними было то же, что бывает с промышленниками, у которых ремесло усиленно развивает сметливость и находчивость на счет других высших качеств и стремлений....

Я хочу сказать, что фамильный характер московских князей не принадлежал к числу коренных условий их успехов, а был сам произведением тех же условий: их фамильные свойства не создали политического и национального могущества Москвы, а сами были делом исторических сил и условий, создавших это могущество, были такой же второстепенной, производной причиной возвышения Московского княжества, какою, например, было содействие плотного московского боярства, привлеченного в Москву удобным ее положением.... Условия жизни нередко складываются так свое-правно, что крупные люди размениваются на мелкие дела..., а людям некрупным приходится делать большие дела, подобно князьям московским.»

ПОХВАЛА БАЛИНОВУ И БЕЗУГЛОВУ

В горском журнале «Кавказ», редактируемом и издаваемом некиим г. Гайдаром Бамматом, в майском номере за настоящий год (май, № 5/65/), в отделе «Обзор печати» (на стр. 29) можно прочитать несколько строк, посвященных казакам («Среди казаков»).

Мы считаем совершенно необходимымзнакомить казаков с тем, что и как пишут о них некоторые соседи, претендующие на казачьи территории.

«Кавказ» считает программу «ВК» — «фантастической Казакией». И конечно же, «совершенно естественно, что такая его (Билого. Ред. «ВК») Казакия, включающая в свой состав горские земли, не может рассчитывать на сочувствие кавказцев».

Заметим пока, что это те именно кавказцы, которые претендуют на Терское Войско и большую половину Кубанского (т. е. в действительности не казаки претендуют на горское, а горцы на казачье), и которые, точно так же, не могут ни в какой мере рассчитывать на сочувствие казаков. Но, в данном случае мы хотим только познакомить своих читателей с точкой зрения «кавказцев».

«Не одобряя» Билого, они очень даже одобряют Балинова. И одобряют в таких словах:

«До сих пор среди казаков было одно течение, органом которого является журнал «Казачий Голос» (редактор Ш. Н. Балинов), оно более или менее трезво подходит к вопросу о своих взаимоотношениях с соседними народами и свою территориальную программу ограничивает пределами Дона и Кубани, со включением калмыцкой автономной республики».

Не совсем грамотно, но понятно.

Одобряют дальше гг. «Кавказцы» и г. И. Безуглова:

«Такой трезвый подход к вопросу намечается и у других казачьих групп. Перед нами журнал «Казакия» № 31, выходящий в Братиславе под редакцией И. И. Безуглова и С. Б. Балыкова. В этом журнале г. Безуглов в статье: «К вопросу о территориальных рамках будущего казачьего государства» высказывает интересные мысли, свидетельствующие о понимании вопроса»...

В чем же выразилось у г. Безуглова это столь похвальное (с точки зрения «кавказцев») «понимание вопроса»? — А в том, что г. Безуглов думает, что

«И Урал, и Оренбург, и Терек, если бы нам удалось их захватить каким то чудом, легли бы на наш государственный организм тяжелым бременем, поглощающим громадные денежные и физические ресурсы, чтобы потом, в одно непрекрасное время, отойти к тем, кто в этих областях составляет этническое большинство и являются аборигенами»...

И потому:

«Постараемся получить во владение свою исконную территорию — Дон, Кубань и Калмыкию, на которой вполне возможна наша государственная жизнь».

На такое скромное желание г. Безуглова «Кавказ», подхваливая, отвечает:

«В общем, совершенно разумная постановка вопроса, хотя автор обходит, к сожалению, молчанием пределы своих притязаний на Кубани».

— Понятно?

Вероятно гг. Балинов и Безуглов остались довольны такой похвалой, но мы глубоко уверены, что среди настоящих казаков не найдется ни одного, кто бы позарился на подобное похлопывание по плечу... Настоящие казаки казачьим достоянием не торгуют...

А надлежащее имя всем Балиновым и Безугловым читатели дадут и сами.

А. ЛЕНИВОВ.

Богатства казачьих земель

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ.

Изучая материалы для определения естественных богатств и промышленных возможностей Казачьих Земель, нельзя не заприметить, что одним из главных видов фабрикантов химической промышленности, взвинчившихся неизменно в пределы Казачьих Земель, являлись аптекарские товары. Яснее ясного, что народное здравоохранение зависит во многом от целесообразной и радикальной работы деятелей здравоохранения на местах, каковые определяются в лице врачей. Однако, последние в своей медицинской деятельности зависят по многом, вернее всецело от аптек, которые могут отвечать всецело своему назначению лишь в том случае, если имеют полную обеспеченность в отношении снабжения аптекарскими товарами. Таким образом, устанавливается замкнутый круг в отношении зависимости народного здравоохранения от многих условий, при одновременном создании подобных условий....

Наблюдавшийся ввоз аптекарских товаров в пределы Казачьих Земель, являлся следствием отсутствия на местах наличия химико-лекарственной промышленности, не говоря уже лишних слов о возможной качественности таковой. Между тем подобная химико-лекарственная промышленность могла вполне укорениться на территории Казачьих Земель, ибо последние располагают **громадным количеством аптекарского сырья и притом весьма ценного по своему качеству, в виде самых разнообразных лекарственных растений**, могущих с успехом обслуживать казачью фармакерию.

Экологическая география лекарственных растений казачьей флоры, устанавливает существование до 2.800 видов, дико растущих и культурных. Благоприятное сочетание и счастливое разнообразие почвенных и климатических условий Казачьих Земель, имеют своим следствием удачное распределение дико растущих лекарственных растений. Существовали также и культурные плантации последних, но в весьма небольших размерах, применительно к размаху предприятий. Одной из наиболее замечательных плантаций культурных лекарственных растений, являлось дело, принадлежавшее аптекарю Фонбергу, в районе г. Туапсе: здесь разводились преимущественно — **аниелка, дигиталин, мелисса** и др.

Общеизвестно, что казачья народная медицина базировалась и базируется на самом широком применении лекарственных растений в казачьем обиходе. Казаки умеют пользоваться ими и нередко случалось, что казаки своими средствами при помощи трав, излечивали болезни, не поддающиеся лечению специалистов врачей. Не является голословным утверждение, что в казачьей среде пользовались весьма впечатительным авторитетом и популярностью именно «бабки» (врачевательницы), лечившие при помощи лекарственных трав, чем подлинные врачи «эскулапы», вооруженные всеми знаниями медицинской науки.

Повествуя об употреблении в казачьем народном быту лекарственных растений казачьей флоры, настоящий очерк преследует основную цель — изложить, как развитие, так и состояние промысла сбора и культуры лекарственных растений в Казачьих Землях, в возможно популярной и исчерпывающей форме изложения.....

Лекарственные растения встречаются в Казачьих Землях в самых разнообразных видах, именно в образе трав, ползучих растений, кустарника, цветов, деревьев и т. д. Казаки, проводя домашнее лечение при помощи лекарственных растений, делали из последних настойки варили т. н. отвары, некоторые растения применялись в сыром виде.

В степях Дона, Астраханья и Ставрополья производится т. н. **баранья трава**, отличительным признаком которой служат стебли с листьями в форме лепестков и

желтые цветы (средней величины). Сок означенной травы служит превосходным целительным средством при ранениях.

В Оренбуржье и на Урале растет трава **зверобой**, имеющая желтые цветы и малые удлиненные листья, прорезанные бесчисленными мелкими дырочками. Отвары из этой травы служат отличным средством при заживлении поранений.

В лесах Кубани, Терека и Казачьей Ривьеры встречается в большом количестве т. н. декоративное растение **плющ**. Из листьев его делается настойка, за jakiлающая раны.

На Дону и в Астраханьи встречается в большом числе трава **железняк**, имеющая цветы фиолетовой окраски. Трава эта представляет незаменимое домашнее средство против поранений: оторванные листья прикладываются на рану и как-бы высушиваются последнюю.

Повсюду в Казачьих Землях растет т. н. сорная трава **дурман**, отличительным признаком которой являются белые цветы и большие листья, весьма изрезанные, причем все части растения ядовиты. Настойка из дурмана, приготовлявшаяся особенным образом, считалась весьма популярным средством в казачьей среде, применяемым при удушье.

На Кубани и на Казачьей Ривьеце культивируются плантации **табака**, из листьев которого приготовлялся отвар, применяемый при удушье и ударе (апоплексия). Сверх того, табачный отвар служит отличным средством против вредных насекомых.

Известный казачий писатель И. И. Железнов (Уралец) описывает следующий случай: «Однажды на охоте принялась Гладова трепать лихорадка. Пароксизм был до такой степени силен, что Гладов как ни крепился, принужден был лечь на землю и переждать, пока кончится припадок. Известно, что в лихорадке томит жажду. Так было и с Гладовым: его томила жажда, но утолить ее не было возможности: под ним и во-округ него расстилалась только одна полынь и нигде ни капли воды. Во рту Гладова сделалась горькая горечь. Гладов тосковал и сердился. Наконец в досаде на лихорадку и на полынь, которая даром занимает место на земле, Гладов принял рвать зубами и жевать полынь. Через некоторое время он почувствовал как будто облегчение. Тут он вспомнил поговорку «клином вышибай», иринялся еще усерднее жевать полынь и всасывать в себя ее горький сок: лихорадка совсем пропала. С тех пор и до самой смерти, Гладов ничем другим не лечился, кроме настоя полыни в воде или водке, но учил и других лечиться этим».

Действительно, в Казачьих Землях произрастает повсеместно в громадном количестве **чернобыл** или **полынь** пахучая, исключительно в диком состоянии. Указываемое лекарственное растение, имеющее большую популярность в казачьей среде, содержит горькое вещество и масло, отличающиеся крайне неприятным запахом и отвратительным вкусом. Из приводимых составных частей, казаки имели обыкновение приготовлять в домашнем быту т. н. полынные настойки (на воде и на спирте), не только, как превосходное противолихорадочное средство, но и для изгнания глистов и уменьшения обильных менструальных истечений.

Водящаяся в Казачьих Землях т. н. сорная трава **чертополох**, обладает неприятным запахом и горьким вкусом. Отвары из этой травы имели применение, как противолихорадочное средство, а равно и для общего укрепления организма.

В казачьем просторечии **кашка** или **трилистник**, представляет собою траву, растущую в болотах или водянистых местах Дона, Кубани и Казачьей Ривьеры, имеющую очень едкий запах. Настойки из этой травы находили употребление, как противолихорадочное средство, а также для раздражения аппетита.

На Казачьей Ривьере встречается также трава **белолистник**, настойки из которой находят применение в качестве противолихорадочного средства.

В Астрахань и в Оренбуржье, как и на Урале, растет трава **бурачник**, имеющая синие цветы и лохматые, слизистые листья. Настойки из бурачника применялись против сыпных лихорадок, как-то: корь, оспа, скарлатина.

Полевой мак (красный), весьма распространенный в казачьих степях, идет на изготовление настойки против кашля и насморка.

Трава **коровник** весьма распространенная в Казачьих Землях, растет исключительно на местах с хорошей почвой. Из листьев, покрытых как-бы пухом, приготовлялась настойка против простуды.

Когда кто-нибудь в хуторской глуши жаловался, что у него сильно болит «в грудях», болезнь сводившаяся в большинстве случаев к туберкулезу, больному давали обыкновенно отвар из **ромашки**. Лекарственные качества последней заключаются в благовонном запахе и своеобразной горечи, как возбуждающих и раздражающих свойствах аппетит. Главное терапевтическое свойство **ромашки** заключается в понижении температуры у больного, где имеет место сильная лихорадка. Напомним, что в Казачьих Землях ежегодно устраивался «День белой ромашки», чистый денежный доход с которого шел исключительно на борьбу с туберкулезом.

В горах Казачьей Ривьера встречается т. н. **исландский мох**, идущий на приготовление отвара, применяемого при легочной чахотке.

Вероника, травянистое растение с фиолетовыми четырех-пестными цветами, растущее в лесах Оренбуржья, Кубани, Терека и Казачьей Ривьере, имеет лекарственное применение, как средство, легко раздражающее и разгоняющее мокроту.

Разбитная трава или т. н. **грудной сок**, трава растущая на Дону, имеет высокие стебли с нанизанными на них фиолетовыми цветочками, сохраняющими форму чашечек и расположенные в образе ярусов. Трава эта, обладающая чрезвычайно ароматным запахом, служит для приготовления настоек против кашля.

Цикута или **боголюбов** представляет собою весьма ядовитое растение с запахом, вызывающим тошноту. Отвар из болиголова применяется против одышки.

Папаротник растет в изобилии в смешанных и листьевенных лесах и по их опушкам на Кубани, на Тереке, на Казачьей Ривьере и в Оренбуржье. Настойки из листьев папаротника употребляются против грудных болезней, а также в качестве успокоительного средства. Из корня папаротника или вернее из подземного стебля его изготавливается отвар, применяемый в качестве радикального средства против глистов.

Собираемое на Казачьей Ривьере **цытварное семя**, дает в виде отвара превосходное средство против глистов.

Терен представляет собою колючий кустарник, распространенный повсюду в Казачьих Землях, имеет ягоды черного цвета, обладающие едким вкусом и тяжелостью. Приготовляемая настойка из терновых ягод, служит отлично действующим средством при изгнании глистов.

На Казачьей Ривьере растущая в виде деревьев **лавровишина** дает из своих фруктов сок, представляющий собою маслянистую жидкость, применяемую в качестве раздражающего средства. Из листьев приготавливается отвар, находящий применение как успокоительная жидкость.

Мак белый с синеватым отливом, из коробочек добывается сок молочного цвета, высушивается, дает опиум. Из семян мака приготавливается снотворное и успокоительное средство, в виде отвара — для промываний, полосканий и вспрыскиваний.

Повсеместно в Казачьих Землях встречается т. н. **кошачья трава** или **валериана**, растущая главным образом, в степях, корень которой имеет запах, привлекающий кошек. Отвар из валерианы употреблялся в казачьем обиходе, как успокаивающее средство для нервов (в медицинском понятии — антисудорожное). В виду сильного спроса из центральной России, в некоторых местах казаки культивировали специальным образом валериану.

На Кубани и кое-где на Дону произрастает **белла-**

дона и притом в весьма больших количествах. **Белладона** представляет собою очень ядовитое растение, из которого вырабатывается **атропин**, весьма ценное вещество в медицинском отношении, применяемое при глазных болезнях, а также и против нервных болезней, по причине своих наркотических и заглушающих боль средств. **Атропин** употребляется также против удушья и при подковых вспрыскиваниях в качестве успокаивающего средства. **Белладона** имеет ягоды красного цвета, которые, созревая, делаются черными по причине своего большого сходства с вишнями, что служит причиной частого отравления детей.

Мыльный корень, растущий в сырьих местах, имеет длинные зеленые листья и красновато-розовые цветы с пятью пестиками. Отвары и настойки из описанного растения представляют собой сильно действующее слабительное.

На Кубани, на Тереке и на Казачьей Ривьере растет **клещевина**. Описанное растение дает маслянистые семяна, находящие очень большое применение в медицине, ибо из них получается кастроровое масло.

Отвары из **фиалок** находят употребление, как одиничное слабительное средство для малых детей: настойки из фиалок применяются, как радикальное средство при излечении кашля.

Лен дает зерна, которые, будучи отмочены в воде, действуют против запоров. Мука из зерен льна применяется, как присыпка.

Весьма часто встречается **ревень**, коричневый корень, желтый внутри, имеющий применение, как слабительное.

Сальный корень или **живокость** имеет корень черного цвета, белый внутри и очень слизистый: применяется, как поддерживающее средство в случаях ослабления организма.

Укроп дает листья и семена, обладающие свойством раздражать аппетит и увеличивать выделение молока.

Из **овса** приготавливается мягкительная субстанция, весьма питательная для организма.

Хмель дает ягоды, кстати сказать, весьма горькие и ароматические, из которых изготавливаются отвары, применяемые, как возбуждающее и укрепляющее средство при малокровии, золотухе и т. н. бледной немочи. Это ползучее растение имеет цветы в виде конусообразных шишек, желтая пыль с которых употребляется в качестве наружного смазочного средства.

Ландыш — маленький белый цветок с удлиненными широкими листьями, растущий в лесах весной, будучи приготовлен в виде отвара, применяется в лечении болезней сердца.

Общеизвестная **наперстянка**, трава, растущая только в июне, цветы которой имеют багровый оттенок и отвратный запах, очень ядовитое растение. Настойки из наперстянки применяются для регуляризации деятельности сердца, а также как мочегонное средство в случаях водянки, плеврита и сердечных болезней.

Волчий ягоды, растущие кустиками, дают ягоды красного цвета, съедобные, приятного вкуса: листья употребляются против болезней мочевого пузыря.

Можжевельник или **вереск**, растущий на побережье Казачьей Ривьере в виде кустов, применяется против мочеполовых болезней и водянки.

На Тереке культивировалась в большом количестве трава **желтинник**, которая на Дону имеет местное название «кочетки» или «луковицы». Желтинник представляет собой луковичное растение, из которого добывается **шрафан**: означенный промысел приносил в прошлом большой доход Терскому Войску. Из шрафана приготавливаются настойки, облегчающие менструации, а также дающие облегчение при подагре.

Из **бородавника**, ползучего растения, содержащего острый и разъедающий сок, делаются настойки на спирте, смешанном с подсолнечным маслом, применяются при лечении рака.

Горчанка или **сокольница** представляет собой растение, достигающее метра высоты. Корень его очень большой, имеет сильный отвратный запах, применяется в виде настойки в случаях отравления.

Ежевика дает ягоды, которые в форме отвара являются сильным противопонюсным средством.

Из **айвы**, растущей на Кубани и на Казачьей Ривьере, извлекается сок, который, будучи переварен с

сахаром, применяется, как отличное средство при расстройстве желудка.

Тыквенные семечки, очищенные от шелухи и перелеченные с сахаром, принятые натощак, действуют отличным образом в отношении изгнания солитера.

Хрен, водящийся исключительно в сырьих местах, содержит сернистую ессенцию, которая придает ему возбуждающие и кровоочистительные свойства; в виде отвара служит радикальным средством против цынги.

На побережье Казачьей Ривьеры встречается в лесах т. н. **аптекарский плаун**, среди мхов, лишайников и черники, доставляющий споры, употребляемые, как присыпка (**плауновое семя**).

Розы, которые содержат **танин и розовое масло**, применяются в виде отвара и вприсканий, а также, как вяжущее лекарство.

Отвары из **горчицы** применяются в виде компрессов при воспалительных наружных процессах.

Из **ячменя** приготавляются мягчительные отвары для полосканий рта при воспалительных процессах.

Елки, сосны и лиственницы, растущие на Казачьей Ривье и на Кубани, дают **теребентин**, применяемый в качестве мазей и растираний. Кроме этого, теребентин употребляется, как разрушающее средство против вредных насекомых.

В виде т. н. сорной травы повсеместно встречаются **белена** или т. н. «куриная слепота», весьма ядовитое растение, имеющее волосато-мхнатый стебель и желтоватые цветы с пурпуровым оттенком. Вытяжки из белены, приготовленные фармацевтическим способом, имеют определенные терапевтические свойства при лечении ряда болезней.

Полуазорчик или **нарцисс**, стеблевидное растение с одним шестилепестковым цветком фиолетового цвета, представляет собой ядовитое растение. Отвары из последнего применяются при лечении отеков ног.

В степях Казачьих Земель встречаются также: **буркун, мята, псинка, катран, дубец, телятник, дымянка, чистик, бабошник, молочай, пуговник, филюнник, спарыш, крушина, гагей, лапчатка, лютик, богородицца травка, душица, ливанда, дикая рожа, козелек, растрел, деревей, грицник, петуший гребешок, перелет, колачик, кура, ямурка, малаканка, сибирек, асот, гусеница, чибор, чакан** и множество других трав, служащих спасительным средством от разного рода болезней. Естественно, что в очерке журнального размера, совершенно невозможно описать все виды лекарственных трав и растений, произрастающих на территории Казачьих Земель. Однако же, казаки имеют полную возможность представить себе все то богатство казачьей флоры в отношении поистине неистощимых запасов **аптекарского сырья**, которые находятся на территории Казачьих Земель, сообразуясь с вышеизложенным....

Казачьи Земли богаты также т. н. техническими растениями, которых **насчитываются до 350 видов...**

В Оренбуржье встречается **торфянник**, как растение, доставляющее главный материал для образования торфа и служащий в просушенном виде прекрасной подстилкой для скота. Там-же кое-где растет т. н. **олений мох**, идущий в корм свиньям и на выгонку спирта.

На Казачьей Ривье имеется т. н. **кукушкин лен**, употребляемый на конопатку деревянных зданий, а также на приготовление щеток.

Повсюду в Казачьих Землях имеется в громадном количестве **камыш**; в Оренбуржье камыш идет на топливо, на Урале из него делают плетни, в Астрахань — загоны для скота или т. н. «лобасы» и «турлушки», то-есть небольшие хаты, на Дону из **тальника** или **тала** (растение, похожее на камыш) делают даже повозки... В период времени, последующий за окончанием Великой войны, из камыша военной техникой добываются теперь самые ядовитые газы.

На Дону и на Кубани из травы **сибирька** делают веники, **чернобылом** и **курою** топят печи и т. д.

Повсеместно имеется много дико растущей **конопли**, собираемой казаками и с давних пор, употребляемой ими на мелочные надобности. В Донском и Астраханском войсках еще в сороковых годах прошлого столетия были заводы фабрики для выделки тканей из

конопли, но так как производимые расходы не оправдывали себя, то начинание это было брошено.

Горчица, представляющая собою культурную масляничную разновидность, разводимую в Астраханьи, в Ставрополе, на Дону и на Кубани, служит в настоящее время для выработки удешливо-обжигающих газов в военной технике.

В 1926 году были произведены опыты с посевом **люффи** (мочаловой тыквы) в районе ст. Усть-Лабинской на Кубани. Плоды последней служат для изготовления шапок, губок, мочалок, купальных туфель и т. д. На десятину высевается до 2 с половиной кило семян (урожай дает до 4—6 тысяч тыкв). Из семян выбивается до 35% хорошего масла. Означенная культура, отличаясь высокой интенсивностью, приносит доходы до 1.500—3.000 рублей на десятину.

Уже в 60-х годах 18-го столетия в южных местах Оренбуржья производились попытки к разведению **хлопка**, при содействии приезжавших в Оренбург хивинцев, бухарцев и сартов. Цена производимого хлопка в Оренбуржье в указанный период времени определялась от 10 до 15 копеек за фунт в сыром виде, а в пряже от 30 до 40 копеек.

На Таманском полуострове, на Кубани, уже от давнего времени делались попытки к разведению **хлопка**, ибо означенная местность представляет самые благоприятные условия для разведения хлопчатника. Десятина давала до 80 пудов семян и волокон, а кусты достигали метра высоты. Надлежит отметить, что здесь, на Таманском полуострове, имеется полная возможность культуры неполивного хлопководства.

Считая от 1928 года, началось усиленное развитие хлопководства на Тереке, в Кизлярском отделе. Было установлено, что один гектар хлопка приносил доходы в среднем 200 рублей, когда один гектар пшеницы давал лишь 50 рублей....

Остается отметить, что хлопководство в Казачьих Землях, это сырьевая база для казачьей промышленности. При усиленной культуре хлопка будет возможным одеть все население Казачьих Земель, используя волокна на ткани. Сверх того, из семян извлекается т. н. хлопковое масло, а различные отбросы употребляются на откорм скота.

На Кубани растет в большом количестве растение в диком состоянии — **вайда**, находящее обширное употребление в технике.

Камыш, помимо вышеупомянутого употребления, имеет еще и следующее применение, именно заменяет в определенных случаях дерево... В 1919 году был построен завод в ст. Полтавской, где фабричным путем были получаемы доски из камыша. Последние в отличие от деревянных досок обладали меньшим весом и отличались дешевизной: камышевые доски имели в длину 6.5 метра, в ширину — 0.25 метра и в толщину — 0.03 метра.

На Кубани на Казачьей Ривье, на Урале и отчасти в Оренбуржье произрастает в большом количестве весьма ценное техническое растение **лакричник** или **солодковый корень** (солодка). Надлежит отметить, что поскольку казаки не представляли себе всего технического значения означенного лакричника, то англичане пользовались этим обстоятельством и производили экспорт последнего из Казачьих Земель в Англию, где лакричник находил применение при изготовлении английских национальных напитков (в. сочетании с спиртом).

На Тереке и на Кубани выращивается **кенаф**, техническое растение, принадлежащее к отрасли маслянично-предильных. Кенаф имеет содержание растительного жира в семенах до 20%, то-есть один пуд кенафа дает до 8 фунтов кенафного масла, имеющее свежеконопляный запах и красивый желтовато-янтарный цвет, при удельном весе 0.93. В виду малой высыхаемости, достаточной вязкости и абсолютного ненеобходимости на металлы даже при самой высокой температуре, кенафное масло применяется при смазке автомобилей, тракторов и даже аэропланов. Лабораторным путем установлена полная возможность гидрогенизации кенафного масла в твердый жир, при потере всего около 3%. Добавление к указанным качествам, кенаф играет роль и как предильное растение.

Обычное культурное масляничное растение для

Казачьих Земель, как **клешевина**, дает превосходного качества касторовое масло. Последнее принадлежит к лучшим смазочным сортам и в настоящее время используется большевиками для нужд авиации.

На побережье Казачьей Ривьеры, в районе Анапы, Геленджика и Туапсе имеется колосальное количество технических растений, из которых извлекаются дубильные экстракты для кожевенной промышленности. Из числа таковых наиболее известными считаются: **сумаха, лещина, каштан, зимний дуб, кермек, черная ольха**. Означенные «дубительи» собираются местным населением и подвергаются весьма примитив-

ной обработке, именно собираются ветви, сушатся и молотятся. Между тем, эти дубильные вещества, находящиеся на побережье Казачьей Ривьеры, имеют мировое значение ввиду своих неистощимых запасов. Только правильно поставленная эксплоатация означенных технических растений может дать все наибольшие выгоды казакам.

Лекарственные и технические растения, находящиеся в пределах Казачьих Земель, будут играть несомненно громадную роль в экономической жизни Казачества.

✚ Петр Иванович Кокунько

10-го июня, в девять с половиною часов утра, умер, а 11-го в 4 часа дня погребен **Петр Иванович Кокунько**. Умер в Белграде, погребен в Земуне рядом со своей покойной супругой.

Покойный жил на квартире П. И. Курганского и умер на руках его жены.

Последние часы своей жизни Петр Иванович провел тихо и спокойно. Минут за 20 до кончины подозвал к себе г-жу Курганскую и начал шопотом что-то говорить. Поняв, что П. И. вспоминает Надежду Карловну, г-жу К. сняла висевший у него над столом портрет его покойной жены и передала умиравшему. П. И. правой рукой прижал портрет к груди, а левую протянул г-же К. Затем несколько спокойных, затрудненных вздохов и все было кончено.

Болел не долго, с неделю. Жаловался на боль в сердце. Умер 88 лет... На похоронах было много народа. Хоронили с отдачей воинских почестей.

В последнее время он тяжело переживал потерю (как он сам это считал) кубанскими казаками своих регалий...

— » —

Петр Иванович Кокунько, казак станицы Новодеревянковской, Ейского отдела, родился 22 июня (10 июня по ст. ст.) 1851 г. Вырос он в ст. Должанской на берегу Азовского моря, где отец его имел рыбные промыслы. Последние десять лет перед 1917-м годом, будучи атаманом Ейского отдела, жил в станице Уманской.

Учился П. И. в Кубанской Войсковой гимназии, курс которой окончил в 1870 году. Чтобы избежать расходов на поездку в Петербург, благодаря стараниям тогдашнего старшего адъюнкта Наказного Атамана А. Д. Кияшко (сослуживца его отца), а также и некоторому покровительству самого Наказного Атамана Цакни, Петр Иванович получил командировку в Николаевское кавалерийское училище, или, как оно тогда называлось, — школу гвардейских прaporщиков. Но пробыл он там всего месяц, оставил ее (тогда это можно было делать и многие пользовались этим) и поступил в университет на юридический факультет. На следующий год П. И., оставив университет, поступил в Технологический институт на химическое отделение. Здесь П. И. дошел до третьего курса, но в 1875 году принужден был оставить и его вследствие больших беспорядков в среде тогдашнего петербургского студенчества.

Спустя год, П. И. поступил в 3-е Военное Александровское училище в Москве, которое и окончил в 1878 г., а через шесть лет поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую окончил в 1886 году.

Шесть лет между училищем и Академией П. И. прослужил в Ставропольском юнкерском училище младшим офицером и преподавателем истории и военно-инженерного искусства.

Не будем говорить сегодня о военной службе покойного. И военная и административная служба П. И. родному Войску заслуживают особой оценки. Пока же только коснемся весьма кратко характеристики его, как атамана Ейского отдела — словами одного из сослуживцев:

— Это был казак старого закала, который на службе придавал значение существу дела, а не форме его. Ценил он людей не по чинам и орденам, а по личным и служебным качествам. Сам он был человеком идеальной честности и прямоты характера. Он старался, по возможности, подыскать себе хотя приблизительно

и таких же сослуживцев. Перед начальством он не заскакивал и не любил запинки и среди своих подчиненных. Зная отлично жизнь казака, его материальное положение, его большое напряжение при справке на службу, он, при командировке молодых казаков в первоочередные части, старался, елико возможно, избегать браковки как обмундирования и снаряжения, так и лошадей... Провинившихся станичных атаманов и других должностных лиц станичной администрации «пробирал» «по батьковски», но был добрым и справедливым и никогда не злоупотреблял своей властью...

Наступил 1917 год. Осенью (с 29 сентября по 11 октября по ст. ст.) собралась Кубанская Войсковая Рада. Эта Рада приняла первую Кубанскую конституцию, установившую на Кубани порядок и власть воеле первого своего учредительного собрания... Петроградское Временное правительство было обеспокоено казачьим непокорством и прислало на ту Раду трех своих комиссаров, чтобы «убедить» Раду принятую ею конституцию не вводить непосредственно в действие, а раньше послать ее на утверждение «законной» Всероссийской власти. Этого требования Русского правительства Рада не исполнила. Она постановила не представлять «на утверждение» принятой ею конституции, а ввести ее в действие явочным порядком.

Во время спора Рады с представителями Временного правительства, среди других членов Рады, и генерал Петр Иванович Кокунько положил свою довольно ощущительную долю влияния на ту чашку весов, на которой решалась судьба конституции, выступив большим сторонником права Казачеству самому и самостоятельно решать свою судьбу. Не стеснявшийся при царях говорить правду в глаза всяких «высоким особам», П. И. не постыдился сказать ее откровенно и представителям русского революционного правительства.

Когда в начале 1920 года начала вырисовываться неизбежность катастрофы, Кубанский Атаман и правительство решили вызвать заграницу исторические регалии Черноморского, Линейного и Кубанского казачьих войск. Во главе особой пятичленной делегации для сопровождения и хранения регалий заграницей был поставлен ген. Петр Иванович Кокунько.

Девятнадцать лет успешно и с честью выполнял Петр Иванович долг, возложенный на него Войском. К несчастью, недавно, по независящим от него причинам, регалии были изъяты из его ведения. Это обстоятельство удручающее подействовало на старого казака....

Такова схема жизненного пути Петра Ивановича. Закончил он ее не там, где хотел, и не так, как хотел....

И эти строки, служащие извещением широким кругом казачьим о смерти одного из горячих казачьих патриотов, не могут ни в малейшей степени претендовать на оценку его длинного, интересного и плодотворного жизненного пути. Эта казачья жизнь заслуживает особых исследований и описания. В свое время казаки это сделают.

А пока пожелаем Петру Ивановичу тихо в мире отдохнуть въ приютившей его земле, отдохнуть перед переселением в землю родную, ибо мы убеждены, что скоро придет то время, когда казачьи патриоты захотят и смогут перенести прах его в свободную казачью отчизну....

ДУМЫ И МЫСЛИ

БУДЕМ ГОВОРИТЬ ДО КОНЦА

На страницах нашего журнала много раз писалось о предательской деятельности по отношению к своему народу еще там, на Родине, и здесь, в эмиграции, г. Науменко, именующего себя все еще атаманом Кубанского Казачьего Войска. Может быть не стоило бы возвращаться к этой личности, так много принесшей горя и несчастий Казачеству, — может быть, в буре Европейских политических событий, о которых каждый день пишут теперь газеты всего мира, строки настоящего письма и не произведут на читателя должного впечатления. Но г. Науменко пишет в своем журнале «Кавказский Казак» (январь-февраль 1939 г. № 145) о той «заботе и любви», какие он проявляет «к своему народу» в эмиграции и, в особенности к Кубанской дивизии... И — этого я не могу промолчать. Будем говорить до конца, главным образом, тем казакам, которые до сих пор остаются «верноподданными» г. Науменко.

В «Кавказском Казаке», в статье «От Кубанского Войскового атамана», есть такое место: «Грозные тучи сгущаются над нашей Родиной, а стало быть и над Казачеством, кровью связанным с ней. Мы должны встретить грядущие события единой, сплоченной казачьей семьей и не поддаваться соблазнительным обещаниям». Из приведенных слов г. Науменко видно, что с Казачеством в недавнем прошлом и в настоящем как будто-бы ничего и не произошло. А то, что Оно разгромлено и уничтожено русскими, которые одну часть Его выгнали из пределов Родной земли, а оставшихся там и до настоящего времени подвергают неслыханным в мире настокам, г. Науменко, как атамана и главу своего народа, — не донимает и не волнует. Болеет он душой за будущее России!

Не понимать и не оценивать происшедшего и происходящего с Казачеством, а болеть душой и беспокоиться прежде всего за судьбу русского народа может только ничего не понимающий или не природный казак, или же казак, но имеющий каменное сердце. Как видно, г. Науменко или ничего не понимает, или не имеет сердца.

Дальше г. Науменко пишет: «Спасение Казачества не в сепаратических устремлениях, место его не под сапогом мнимых благодетелей и не в пресловутой «Казакии». Спасение и счастье наше в возрождении родных исторически сложившихся войск в составе Великой России, в создании величия которой так много сделано Казачеством»....

Г. Науменко! Что будет в будущем с Казачеством, мы не знаем, а так же не знаем и будущего «благодетеля». Но нам хорошо известно то, что получило Казачество от Вашей «Великой России», находясь в составе ее на протяжении целых столетий. Такое сожительство привело к полному порабощению Казачьего Народа, а теперь — к уничтожению Его, включительно до удушения ядовитыми газами всего живого на Казачьей земле...

Такой погром совершили над Казачеством сыны той «Великой России», для величия которой, по словам Науменко, так много сделано Казачеством...

Наблюдая после войны жизнь в Европе, мы видим, что победители, ставшие хозяевами части побежденных ими народов, разняющихся с ними по своей природе, вере, языку и культуре, не производили нигде такого разгрома, какой произвели русские люди над своими «братьями» казаками.

Разгромлен культурный, религиозный, храбрый из храбрейших народ — Казачество. Разрушены Его святые храмы, попраны всякие божеские и человеческие законы и, несмотря на это, г. Науменко вновь призывает Казачество единой, сплоченной семьей стать на защиту «Родины», над которой «сгущаются грозные тучи»...

Конечно приводимые г. Науменко «основания» для нас, казаков националистов, являются совсем не убедительными и не могут служить нам препятствием на пути, ведущем к желанной цели — созданию своего самостоятельного Государства Казакии. Только в нем

Казачество найдет спасение и счастье и раз навсегда избавится от опеки тех, кто смотрит на Казачество, как на что то, которому должно только приказывать и беспощадно эксплуатировать.

— «» —

Покидая свою Родную землю, со своими правительствами и атаманами, Казачество надеялось, что никто, кроме них, не может распоряжаться судьбою покинувших свои курени. На деле вышло совсем иное! Не говорю уже о казаках, которые не были в строевых частях и попали в полную зависимость от русских беженских организаций, но и Кубанская дивизия в строевом отношении оказалась в полном подчинении барона Врангеля, а в материальном — русского инженера А. И. Сахарова. Дивизия, в буквальном смысле слова, превратилась в рабочих, но в то же время сохранила все атрибуты строевой воинской части: штаб дивизии, командиров дивизионов, полков, сотен, дивизионный лазарет, медицинский персонал в частях, интендантство, хотя для него никакого военного имущества не было. Сохранилась военная форма. Строго проводился военный устав внутренней службы и не менее строго поддерживалась воинская дисциплина, за нарушение которой, по самым маловажным и незначительным проступкам, казаки карались беспощадно, включительно до посыпки на гауптвахту, с лишением права на работу и довольствием за свой счет.

Весь командный персонал ~~содержался~~ за счет рабочих на дороге казаков. К этому ~~следует~~ прибавить женщин и детей, получавших только паек, ~~весь~~ технический персонал чертежников, десятников, ~~полевые~~ и сотенные канцелярии, поваров, артельщиков, портных, сапожников, всех вестовых (а последних было не мало: у одного инж. Сахарова было три вестовых, повар, кучер, фельдшер и сестра). В это же время казаки производили всевозможные «добровольные» жертвования в казну великого князя Николая Николаевича, союзу инвалидов, а в последнее время, — и в казну Войскового атамана.

Вся работа на дороге расценивалась ~~сделью~~, поэтому не трудно себе представить, сколько должен был работать каждый, чтобы оплатить весь вышеуказанный персонал и свой паек — в 13 динар 40 пар!

Дорога прокладывалась в горной местности, где не было больших населенных пунктов и где казаки могли бы найти сносные для жизни квартиры. Все помещались в палатках, вывезенных с острова Лемноса и в сырых и грязных землянках. Проработав на дороге 10 часов под дождем и снегом, казаки, промокшие и голодные, возвращались в такие помещения, где после всего нужно было еще выполнять требуемые по уставу поверку и зорю.

Прежде чем начать работы на шоссе, ни строевое начальство, ни строители дороги не побеспокоились построить сносные жилые помещения. Но зато строители, вместо жилых помещений, организовали целую сеть торговых пунктов, где казаки, по неслыханно высоким ценам, покупали необходимые продукты, в большинстве случаев в кредит, так как заработка плата выдавалась очень не аккуратно. Бывали не редкие случаи, когда ее не выдавали по два, по три месяца.

Почему же казаки, получая довольствие за свой счет от интендантства, за которое удерживалось 13 динар 40 пар, при общем котле, покупали еще на стороне в лавках строителей дороги, где продукты расценивались от 25 до 75 процентов выше нормальных? Во-первых, был недостаточен размер пайка, а во-вторых, продукты, поставляемые подрядчиком Н. Н. Виноградовым, были самого плохого качества. Бывали случаи, когда приемщики от частей, несмотря на «убеждения» интенданта полк. Бецелкого, категорически отказывались принимать хлеб и мясо, ввиду плохого их качества.

В начале работ продуктовый подрядчик был серб, а потом — русский, Н. Н. Виноградов, фактически же

всем ведал строитель дороги инж. Сахаров. Сахарову и Виноградову принадлежали и все торговые лавочки.

Такого плохого качества продуктов, как хлеб с примесью спаринки и мясо от скота, который доставлялся для убоя почти уже мертвым, если-бы нарочно поискать на сербском рынке, то никогда и нигде нельзя было бы найти! Никакие власти, с точки зрения санитарной, не разрешили бы пускать в продажу подобные продукты. Правда, иногда приходил доктор Камаревич (русский) свидетельствовать доставляемое, но не было случая, чтобы он признал когда нибудь продукты неподгодными и опасными для здоровья. Русские же «благодетели» как бы специально находили такие продукты, в предположении, что желудки «казаков» все переварят.

— «» —

Большинство казаков пережили внешнюю и казацко-русскую войны, перенесли все страдания, какие только может представить человеческое воображение. Тяжелая физическая работа на шоссе, при отсутствии нормальных жилищных условий, плохое питание, а, иногда совсем никакого, старые ранения, полученные в двух войнах, и новые — на шоссе, сломили их железное здоровье, — начались болезни, требовавшие продолжительного и хорошего лечения, но онять, по русскому понятию, «казачки» не имели права болеть. Иногда некоторые больные казаки, хотя и с большим трудом, попадали в свой дивизионный лазарет, расположенный в курортном местечке Вранья-Баня, где лечение за свой счет оставляло желать много лучшего, но поспать под крышей и покупаться в серно-горячей воде (место, где расположен был лазарет, имело в совершенстве оборудованный горячо-серный источник), уже считалось большим счастьем.

Необходимо отметить, почему дивизионный лазарет был устроен в курортном месте.

В начале работ инж. Сахаров категорически отказал в отпуске средств на содержание лазарета, мотивируя свой отказ тем, что, в случае необходимости, больные будут отправляться в сербские больницы. Так оно и было до 25-го сентября 1921 г., т. е. до тех пор, пока с его женой не случилось несчастье, — перелом ноги. Лазарет помещался в палатах и содержался на счет красного креста, куда и положили его жену. После этого он принял лазарет на счет дивизии и по его распоряжению было зарезервировано отличное помещение во Вранье-Бане, куда и перешел лазарет в половине октября 1921 г. и оставался там до конца работ на шоссе.

Так обстояло дело с лазаретом Кубанской дивизии с официальной стороны; с неофициальной же, — помещения были заняты Сахаровым с женой и частью их прислуги, каковые и оставались в нем до конца работ. Вот почему лазарет оказался в таком хорошем месте.

Как сказано было выше, попасть в свой дивизионный лазарет считалось за большое счастье, но о расположенной рядом с лазаретом санаторией имени баронессы Врангель, открывшейся для Кубанской дивизии и обслуживающейся чинами и персоналом дивизионного лазарета, с отпуском на каждого больного по 30 динар в сутки для усиленного питания, — казаки не имели права даже мечтать. Не было ни одного случая, чтобы рядового казака положили в санаторию. В таком же положении было и казачье офицерство, если не считать полк. Мацко (инвалид), попавшего туда по личному распоряжению баронессы, после упорного и настойчивого требования Мацко, при посещении ею Кубанского лазарета.

Официально было известно, что санатория открывалась для Кубанской дивизии, следовательно чины ее и казаки должны были бы ею пользоваться. В действительности, в ней лежали чины дивизии Барбовича и русские беженцы, приезжавшие за несколько сот километров со всех концов Югославии, казакам же туда доступа не было.

Сербское правительство, предоставляя работу Кубанской дивизии, имело дело с атаманом Кубанского Войска — г. Науменко, инженера Сахарова при переговорах не было. Поэтому г. Науменко и должен был распоряжаться решительно всем, как строевой, так и материальной частью такого крупного предприятия, как постройка шоссейной дороги, на протяжении почти

100 километров. Однако, на деле вышло совсем другое. Русский беженец, до этого никому неизвестный, инженер Сахаров стал во главе этого крупного дела и захватил в свои руки колоссальные средства. Как хотел ими, так и распоряжался!

Такое положение произошло не случайно: если-бы г. Науменко были дороги интересы своего народа, то никогда, ни при каких обстоятельствах не пришлось бы Сахарову распоряжаться судьбою Кубанской дивизии.

— «» —

Дивизия была в полной зависимости от этого господина и не только в материальном отношении, но и в строевом. Достаточно указать, что все лучшие места в **Кубанской казачьей дивизии** (подчеркиваю — в казачьей дивизии) были заняты русскими людьми. Начнем со штаба дивизии: начальник штаба — полк. Кироваев, один из адъютантов начальника — Фон-Штутенбах. Техническая контора: инженеры — Мир, Петров, полк. Шмид, капитан Гольдшмит, капитан Гновицкий, полк. Сакварелидзе, капитан Цветков, корнет Каллер, поручик Пушкаревич, полк. Островский. Командир инженерной сотни — полк. Лещук, его делопроизводитель — чиновник Кравченко. Начальник первого участка — полк. Печенов, десятник — ротмистр Иванов. Заведывающий транспортом (одна пара лошадей и пара быков) — полк. Короваев. Все полковые врачи и все врачи в дивизионном лазарете, в котором по штату было положено три врача. Санитары, — пленные красноармейцы, взятые в Крыму. Заведывающий хозяйством лазарета, поручик Королев, совершило никому неизвестное лицо. Кто такой был поручик Королев? — достаточно указать на одно обстоятельство, что свою «карьеру» он окончил на полигоне под сербскими пулями в 1925 г., за убийство с целью грабежа сербской семьи.

Эти люди, чужды всему казачьему, занимали лучшие места в Кубанской казачьей дивизии, имевшей своего атамана, тогда как честнейшие и заслуженные казаки, прославившиеся в великую войну, были не удел. Например, покойный ген. Гулыга, ген. Гейман, ген. Остроухов, ген. Бочаров, ген. Говорущенко, ген. Кадушкин, ген. Косякин, полк. Илларионов, полк. Шрамко, полк. генерального штаба Золотаренко... А сколько младших офицеров работали на шоссе простыми рабочими!....

— «» —

Г. Сахаров настолько был полным хозяином дивизии, что отказал в предоставлении перевозочных средств даже самому Науменко и председателю тогдашнего правительства Скобцову, приехавшему в конце 1921 года для об'езда «своей дивизии». И они, в сопровождении начальника дивизии ген. Зборовского и Саломахина, совершили не об'езд, а обход частей в холодную и снежную погоду.

Братья казаки, что же это за атаман?! Что представляли из себя председатель правительства Скобцов и начальник дивизии ген. Зборовский, когда русский беженец Сахаров оказался хозяином всего и эксплуатировал дивизию самым бесцеремонным образом! Безнаказанно обирал казаков, неимоверно тяжелым трудом зарабатывавших свои гроши.

И г. Науменко, после всего этого, продолжает выступать в роли защитника казачьих интересов и предупреждает, что «место казаков не под сапогом мнимых благодетелей».

— «» —

Кроме приезда Науменко, о котором я только что сказал, он навещал дивизию каждый год. Из следующих его приездов необходимо отметить два. По распоряжению Врангеля, в середине лета 1923 г., посетили дивизию так называемые русские «общественные деятели» г. г. Давац и Львов в сопровождении самого Науменко. К приезжим присоединились местные «деятели» г. г. Сахаров и Виноградов. В честь таких «высоких гостей» был устроен парад. И вот, когда казаки, измученные тяжелой работой, проходили со своими знаменами церемониальным маршем перед «гостями», инж. Сахаров обратился к жене Виноградова, за несколько дней до того приехавшей из советской России, с такими словами: «Татьяна Семеновна, как вам нравится наша армия?». Татьяна Семеновна ответила: «Что же хорошего в ней, что одеты в белые гимна-

сторки? Вы посмотрели бы теперь красную армию, вот это действительно армия!»

Такую оценку казачьей дивизии дала русская женщина, только что приехавшая из советской России, в присутствии Кубанского атамана.

Станичники, куда же еще ниже опускаться г. Науменко перед своими барами! Приехать к своим казакам в роли, так сказать, офицера для «особых поручений», устроить парад славной дивизии с ее знаменами, покрытыми боевой славой, перед людьми, всей душой ненавидящими казаков, по вине которых казаки и потеряли свою Родину!..

Во второй приезд г. Науменко (это было осенью 1924 г.), казаки обратились к нему с вопросом: можем ли возвращаться на Родину и как он, Науменко, на это смотрит? Г. Науменко ответил следующее: «Каждый из вас имеет свою голову на плечах и вы достаточно взрослые, поэтому сами решайте этот вопрос. Я же не буду строго судить тех, кто рискует вернуться к своей семье. Но лучше пока воздержаться от этого, так как обстановка создается такая, что не далеко то время, когда снова Россия позовет нас на борьбу с большевизмом».

Так неопределенно разрешил «глава Кубанского Края» самый большой и серьезный вопрос для рядового Казачества. Больше того, он не брался строго судить тех, кто предполагал вернуться на Родину и это в такое время, когда он отлично знал, какую жестокую расправу красные оккупанты Казачьей земли творили с оставшимися там и как особенно охотились они за возвращающимися казаками, которых ждала там верная смерть...

Но, как же смотрит г. Науменко на казаков нацио-

налистов, которые хотят вернуться на свою Родину не с поникшей перед оккупантами головой, а выгнать их оттуда, восстановить свои исторические права на свою землю, избавить своих отцов и братьев от страшного террора, а матерей, жен и сестер — от насилия разнудзданного красного хама, восстановить разрушенные и уничтоженные русскими безбожниками святые храмы? — Этую заветную мечту истрадавшихся душою и телом казаков г. Науменко осуждает самым беспощадным образом и не только словами, но и действием, называя нас, националистов, предателями и изменниками России и Казачества.

Дорогие станичники, повторим же слова г. Науменко: мы имеем на плечах свои головы и более чем достаточно все мы взрослые, поэтому хорошо знаем, что спасение Казачества не в составе «Великой России». Много в прошлом сделано казаками для ее величия, но в дальнейшем пусть сами русские побеспокоятся о нем...

Наше спасение и счастье только в своем свободном, едином и сильном государстве Казакии, к которому будем стремиться всеми путями и средствами, чтобы претворить в жизнь начертанное на знамени Черного Всадника: «Наш девиз — казачья воля, Казакия — наша цель».

А г. Науменко посоветуем поехать к своим «братьям» и присоединиться к ним для разгрома нависших над ними «грозных туч».... За это не только строго, а вообще судить его не станем. Скатертью дорог!

Долой оккупантов и их попутчиков с Казачьей Земли!

Слава Казачеству!

И. Тищенко.

Русские офицеры судят ген. Деникина

В прошлом году мы несколько раз цитировали труд ген. Н. Головина: «Российская контр-революция в 1917-1918 гг.», а в частности — те места, где он подверг критике военно-стратегические способности ген. Деникина (см., например, № 247-248 о «проблеме Царицына»). Такая критика военно-стратегических талантов (собственно — беспаланы!) бывшего военного главы «белого дела» продолжается. К казачьим голосам, которые, наряду с политической слепотой ген. Деникина, ставили ему в вину и его основные «ошибки» военно-стратегические, присоединяются ныне голоса русских офицеров (кстати сказать, — «белых», т. е. бывших единомышленников ген. Деникина), подвергающих судовой критике в первую очередь военные способности бывшего главнокомандующего.

Вот, например, в № 57 «Сигнала» полк. Н. Пятницкий печатает свой стратегический очерк «Проблема Царицына», в котором осуждает ген. Деникина — как военный военного. Некоторые места этого очерка приведем ниже, как имеющие интерес и для казаков — особенно бывших, а может быть и нынешних еще, поклонников неудачного «белого витязя».

Полк. Пятницкий пишет:

«Если взглянуть на карту, становится ясным огромная роль Нижней Волги, этой могучей артерии, связывающей воедино Южный и Восточный фронты Белой борьбы. На этой Нижней Волге находился крупнейший пункт всего района — г. Царицын. Именно Царицын являлся той географической точкой, которая была символом соединения, связью и стыком двух раздельных фронтов. Самая раздельность этих фронтов определяется удалением Царицына от ближайшего левого фланга Восточного фронта в 20-30 армейских переходов (до Уральского фронта у Новоузенска — 300 км., а до Народной армии у Хвалынска — 450 км.)...

Именно так расценивали значение Царицына и ген. Алексеев, и ген. Краснов, а также красный главковерх Вацетис и нач. штаба Царицынской Красной армии Клюев.

При наличии краевой власти Донского казачества, наша Добровольческая армия не могла базироваться на казачье население Дона и должна была искать себе свою собственную общероссийскую территорию. Тако-

вой, ближе всего, была территория с общерусским населением — Ставрополь (? Ред.), Царицын и Камышин...

В Поволжье находились, кроме того, 400.000 немецких колонистов, богатых крестьян собственников естественных врагов коммунизма...

...Весь секрет организации вооруженных сил Юга России заключался в приобретении сочувствующих борьбе с большевизмом солдат, которых, при наличии достаточного количества офицеров, у нас именно из-за революционного разрыва армии и не было.

Овладение Нижней Волгой выводило нас в район к Саратову, где, как нам было известно, начались крестьянские против большевиков восстания. Это тоже давало в руки белого командования резервуар для пополнения армии отличным социальным составом...

Огромное значение Царицына сказывалось еще в том, что через него совершался приток в РСФСР бакинского жидкого топлива, что было очень важно для экономической жизни красной Москвы... Кроме этого, Царицын был отдушиной, через которую обезхлебленная Центральная Россия, лишенная украинского и донского хлеба, не имеющая связи с хлебом кубанским, только и могла получать хлеб юго-востока России. Именно для этой цели в Царицын был послан Сталин...

Роль Царицына, как важнейшего центра и узла железнодорожных, грунтовых и водных путей, была очень большой.

В то время, как ген. Деникин продолжал смотреть на Царицын без всякого интереса, Сталин уже получил, сверх хлебного, второе, чисто военное, задание — организовать военную оборону Царицына как важнейшего стратегического центра.

Царицын был жизненным революционным пунктом, благодаря обилию рабочих. Для красных он был важен для комплектования Красной армии распространенным пролетарским составом. Для белых по этому было недопустимо оставлять Царицын в руках противника, где могла возникнуть очень сильная «классово-сплоченная» красная армия, стоящая на фланге и даже в тылу донцов и Добрармии...

В то же время Царицын имел чрезвычайно важное военно-промышленное значение. Особенную роль играли металлургические заводы...

Вот почему красное командование поспешило со- средоточить в Царицыне свои лучшие организационные силы, предоставив Кубань почти что своей собствен- ной участи. Вот почему именно царицынские деятели получили впоследствии высшие в СССР должности (Сталин и Ворошилов)...

Итак, капитальное значение Царицына для борьбы с большевиками, казалось бы, было очевидным для всех. Все звало Добрармию идти на Царицын, но ген. Деникин решил иначе... Начался поход по освобожде- нию Кубани и Северного Кавказа, который потребовал целых полгода отсутствия Добрармии на главном направлении решения судьбы России... Ген. Деникин так никогда и не появился своими главными силами на этом главном театре, что и привело к поражению всего Бе- лого дела в России...

...Заняв Кубань, ген. Деникин никакой там базы кроме пополнения людьми, не нашел. И на Кубани он продолжал базироваться на несвободной от герман- ского командования базу на Дону и Украине...

Сила и слабость Белого движения состояли в том, что оно родилось из внешней войны и носило в себе психологию этой войны, от которой не могло, не было в состоянии освободиться. В сущности, начало гражданской войны обозначало конец участия в Мировой войне...

И потому:

«Нужно было отрешиться от привычных «фильтров» и «фобств» и лишь трезво взвешивать, кто мог стать нашим временным союзником. Собственно говоря, все союзники обычно бывают временными. История полна фактами превращения союзника во врага и врага — в союзника... Здоровые союзные отношения диктуются лишь здоровым национальным эгоизмом. Этим же эгоизмом обясняется безразличное отношение союзников к России в 1918 г. после победы над немцами...

Ген. Деникин предпочел пойти по... пути поглоще- ния добровольческим движением местных краевых дви- жений. Выдвинутый им лозунг «Единая, Великая, Не- делимая» исключал возможность говора с Украиной, донцами, кубанцами или горцами. Ген. Деникин пошел на унификацию антибольшевистского движения, погло- щавшего все и вся под эгиду командования Добрармии. Ни о каком сложении сил не могло быть и речи. Все шло под знаком подчинения командованию.

Однако, отсутствие положительной и сколько-ни- будь четкой политической программы не дало ген. Де-

никуни возможности сделаться водителем душ. Отсут- ствие творчества не могло увлечь никого за ген. Дени- киным. Одним словом, ему не удалось создать сколь- ко-нибудь народного национально-объединительного дви- жения. Все шло под знаком механического сцепления антибольшевистских настроений... При всем этом не было и тени какого-либо социального творчества.

Опирался ли ген. Деникин на кого либо в этом?

Несомненно опирался на настроения всей армей- ской массы. Это создавало видимость какой-то гармо- нии, но гармонии мнимой. Ибо ген. Деникин явился лишь производной настроений общармейской массы. Он был ее главнокомандующим, но не был ее вождем, ибо вождь всегда ведет массы, а не идет за ними.

Именно поэтому он не умел создавать события, а шел на поводу у них.

Движение на Царицын должно было создать совер- шенно новую обстановку борьбы. Оно круто лома- ло привычные формы и требовало коренной ломки психологии, политики и стратегии. Глава Белого движения не оказался способным на это и пошел по течению настроений рядовой массы... Ген. Деникин не смог под- няться над уровнем той толпы, которая выдвинула его на верху управления.

В этом крупная ошибка политики главного коман- дования ген. Деникина, повлекшая за собою стратеги- ческое пренебрежение Царицыном, забвение необходимости обединения фронтов Юга России и Сибири и уход на Кубань, в провинцию театра военных действий.

За это ген. Деникин жестоко поплатился разгромом. Этот разгром произошел, так как забвение Царицына дало возможность красным бить своих противников по частям: сначала Колчака, потом Оренбургское казачество, потом самого Деникина, а за ним впослед- ствии и Брангеля.

Этот трагический конец произошел благодаря круп-нейшей политico-стратегической ошибке ген. Деники- на в проблеме Царицына...

»

Так начинают судить белые офицеры бывшего своего главнокомандующего. Судят соратники или со-временники ген. Деникина, судят бывшие подчинен- ные... Этот суд еще не полный, не все еще вопросы за- тронуты. Но для нас не подлежит сомнению, что, по-ставленный широко, суд над преемником ген. Корни- лова будет вообще не в его пользу. Особенно сурово осудит его история казачья и тех народов, кому он усложнил и без того сложную и тяжелую ситуацию в 1918—1920 годы...

Знаменательное совпадение

В своем журнале «Новая Россия» (см. номер 69, 15 июня с. г.) А. Керенский, в статье «Триумф Сталина», между прочим, написал:

«Национальная стихия опьяняет и, что греха таить. если бы кроме нынешних дипломатических триумфов у Сталина в активе оказались какие нибудь действительно великоледственные достижения, какие-нибудь «Судеты» или «аншлуссы» на русский образец. московский диктатор стал бы взаправду национальным ге- роем для всех тех, для кого не внутренняя свобода и процветание страны, а только внешнее величие, зубодробительная мощь на страх внешним врагам являются лучшим и даже единственным и достойным подлинной империи проявлением народного гения»...

А вскоре после того, в русском журнале «Часо-вой» (см. номер 238-239, 5 июля с. г.) помещено «Еще одно свидетельство о России» одного иностранного ин-женера, родившегося в России, знавшего хорошо до-воеинную Россию (как рекомендует его редакция «Часо-вой») и пробывшего там полтора года теперь, вернувшись в конце апреля с. г. В этом свидетельстве есть такие места:

(У этого инженера) «нет ни малейшей надежды на какую бы то ни было революцию в России или на свержение власти в период внешнего мира. По его мнению, советская власть, если ее извне не будут трогать, сможет просуществовать еще многие годы. В случае же войны и внешнего потрясения, (инженер) уверен, что власть падет в первые же моменты или в результате стихийного против нее движения, или же в результате переворота, произведенного... самим Сталиным, который обявит себя национальным вождем»...

«Страна, монета которой никогда не котируется, зам-

кнувшаяся в себе, тем не менее продолжает существовать известным видом «натуального хозяйства» и мож- но смело утверждать, что при той дисциплинированно- сти и самоотречении, которое проявляет наследие, не переводя своей ненависти к власти на активную степень, эта страна и впредь будет существовать долгие годы. Не внутреннее положение, хозяйственное или политическое, сбросит советскую власть»...

...«В случае возникновения внешней войны, кадровая Красная армия дратся будет и окажет серьезное со- противление... Тенденция высшего красного командо- вания: неожиданность нападения, а потом оборона, в случае неуспеха. Сами красные начальники превосход- но понимают, что сколько нибудь продолжительной войны СССР не вынесет»...

...«Совершенно не исключена одна возможность, совершенно кажется невероятная, это — ликвидация коммунизма и восстановление нормальной государственности самим Сталиным. Всякий, видящий теперешнюю Россию, отлично понимает, что коммунизма вней нет и налицо диктатура группы людей действующих под флагом коммунизма... Может случиться, что Сталин, идя навстречу стихийному движению массы, лик-видирует революцию даже формально и обявит себя национальным вождем. И, опять таини, нужно знать эту страну с ее двадцатилетними страданиями и испытаниями, чтобы не удивляться тому, что народ будет привет-ствовать эту перемену»...

— Правда, можно найти некоторое совпадение на- строений у некоторых русских эмигрантов с настрое-ниями «тамошними», как их рисует только что цити-рованный иностранный наблюдатель?

Некоторые выводы из этого читатели сделают сами.

Принимается подписка на

иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:

	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присыпать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посыпать по адресу: Mr. I. Billy: 8, rue Fantin Latour, Paris (16).